

В О Е Н Н Ы Й Б Е С Т С Е Л Л Е Р

СПАРТАНЦЫ XXI ВЕКА

«АЛЬФА»

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

Михаил Болтунов

Спартанцы XXI века

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болтунов М. Е.

Спартанцы XXI века / М. Е. Болтунов — «Эксмо», 2018

Автор – едва ли не единственный писатель и публицист, кому участники легендарного специального подразделения рассказали всю правду о себе. Самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы, набрал высоту и взял курс на Батуми. Когда он был уже на предпосадочной прямой и выпустил шасси, в дверь пилотской кабины постучались. Один из летчиков посмотрел в глазок и увидел лицо бортпроводницы. Не заметил, что она ранена. Открыл дверь. И тотчас получил в лицо пять пуль. Никто сначала не понял, что произошло. В кабину ворвались двое. Лица, перекошенные злобой, мат, истошные вопли: «Самолет захвачен!!!» В это время в Москве шли плановые занятия по огневой подготовке у бойцов группы «Альфа». Сигнал тревоги заставил их мгновенно собраться для получения приказа. Спустя несколько минут они в полном боевом снаряжении уже ехали в аэропорт...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Болтунов М. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Старик Андропов их заметил...	7
Первая тридцатка	14
На правах оперативного отдела	17
Командировка в Цюрих	20
«Таких ребят меняем на подонков...»	23
Остров зари багровой	26
«Ставь жизнь свою на кон...»	29
«Русским Афганистан не отдадим...»	34
Первый «Зенит»	36
Просьба афганской стороны	38
«Поверь мне, старику...»	39
Правая рука «великого учителя»	41
Выйти на объект	44
Готовится спецоперация	46
Этот узел не развязать	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Болтунов

Спартанцы XXI века

© Болтунов М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие

«Альфа»... Легендарное, суперсекретное подразделение антитеррора. История ее удивительна. Переворот в Кабуле и обмен Луиса Корвалана на диссидента Буковского, охрана афганского лидера Бабрака Кармаля и штурм мятежного Сухумского изолятора, захваченного преступниками, гражданский подвиг у стен Белого дома и освобождение заложников в «Норд-Осте».

«Альфа»... Мощная, мобильная, высокопрофессиональная группа специального назначения. История ее необычна. Она пережила годы секретности и забвения, годы любви и ненависти. Ею гордились и ее боялись. Бойцов и командиров группы «А» называли «профессиональными убийцами» и «душителями свободы». А они просто были сыновьями Отечества.

Они гибли в борьбе с террором ради нас с вами. Ради жизни на Земле. Бойцы «Альфы» каждый день на войне. Без малого сорок пять лет.

Все, о ком говорится в книге, «родом» из «Альфы» – легендарного антитеррористического подразделения. Они – бойцы и командиры группы антитеррора России. И рассказать о них есть что, поверьте.

В «Альфе» вольно или невольно собрались люди особенные. Судьбы на редкость интересные, а порой и уникальные. На их долю выпала трудная миссия – первыми вступать в бой с терроризмом в нашей стране.

Это сейчас вам каждый школьник скажет, кто такой террорист. Но полвека назад и слова-то подобного не знали. А уж как бороться с этой страшной болезнью, прозванной «чумой XX века», не ведали и по-прежнему.

Бойцы и командиры группы стали первопроходцами. Так уж случилось, что даже в самые мирные и спокойные для страны годы «Альфа» всегда воевала, всегда была в бою. Ибо террор жесток и кровав. Он постоянно развивался и крепчал. Изобретал новые, невиданные способы и орудия борьбы, становился более изощренным, жестоким, бесчеловечным. Но всегда на его пути встают ребята в черных беретах с буквой «А».

В этом сражении у группы «А» много подвигов, много побед. Они отмечены Золотыми Звездами героев.

У «Альфы» их целое созвездие. Вряд ли какое другое подразделение или воинская часть может похвастаться таким количеством Героев. Достаточно сказать, что три первых командира группы «А» – Виталий Бубенин, Геннадий Зайцев, Виктор Карпухин были удостоены высокого и почетного звания Героя Советского Союза. Начальник штаба группы полковник Анатолий Савельев стал Героем России посмертно.

Под стать своим начальникам и подчиненные – бойцы группы «А». Среди них также есть Герои, кавалеры боевых орденов.

Терроризм стар, как мир. Он не за далекими горами, синими лесами. Он на пороге вашего дома.

Эта книга не о фантастических похождениях российских «Рэмбо». Она о реальной силе, которая противостоит террору. Эта книга о лучших людях России – о солдатах антитеррора.

Старик Андропов их заметил...

29 июля 1974 года председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов своей рукой написал приказ о создании группы «А». Приказ был с двумя нулями, что значит «совершенно секретно», да еще и «особой важности». Предполагается такой уровень секретности, что первый приказ существовал в единственном, рукописном экземпляре. Его не отдавали на перепечатку даже самым проверенным машинисткам КГБ. О формировании группы в Комитете знали буквально единицы людей, без участия которых никак нельзя было обойтись.

Новую группу решили создать в 7-м управлении КГБ СССР. Точнее, в службе охраны дипломатических представительств «семерки». Командовал в ту пору управлением генерал-майор Михаил Михайлович Милютин.

В октябре 1974 года на этом посту его сменил генерал Алексей Дмитриевич Бесчастнов. Вся тяжесть по вводу в строй подразделения антитеррора легла на его плечи.

Юрий Владимирович Андропов был весьма прозорливым человеком. Надо отдать должное – он первым почувствовал опасность терроризма. Тревожным звонком прозвучали мюнхенские события, когда на Олимпийских играх в Германии в 1972 году палестинские террористы расстреляли израильских спортсменов.

В те дни корреспонденты «Пари Матч» писали: *«Эта маска, эта сатанинская тень, возникшая внезапно посреди олимпийских торжеств, как танцор, нарядившийся смертью на средневековых балах, – это, к сожалению, стало символом целой эпохи. Большой и злоеущий праздник насилия... пришел к нам, он стал реальным кошмаром, когда на балконе под израильским флагом появился этот террорист в черном колпаке. 11 израильских заложников и их палачи умрут».*

Террористический акт на Олимпиаде 1972 года нанес сокрушительный удар по престижу Германии. Теперь кошмар Мюнхена преследовал руководителей многих стран. В подобной ситуации они оглядывались назад и... отступали перед террористами.

В 1973 году в Париже произойдет захват посольства Саудовской Аравии. Франция удовлетворяет требования террористов. В 1975 году семь вооруженных бандитов-молукцев нападут на поезд Амстердам – Бейлен и захватят его. Через два дня вторая группа террористов займет консульство Индонезии в Амстердаме. Голландские власти прибегнут к переговорам, несмотря на гибель двух заложников.

В том же году известный террорист Ильич Рамирес Санчес, более известный по кличке «Карлос Шакал», вместе со своими поделниками предпримет захват самолета израильской авиакомпании «Эль Ал» в парижском аэропорту Орли.

Они убьют двух полицейских, захватят восемь пассажиров, включая женщину с ребенком, и забаррикадируются в туалете.

Долго шли переговоры и правительство, наконец, решило погрузить Карлоса и его бандитов с заложниками в самолет, летевший в Египет. Собственно, как и требовал Карлос. Жандармы во главе с лейтенантом Кристианом Пруто (он станет известен позже, после проведения операции по освобождению заложников в Джибути) готовы были уничтожить «Шакала». И можно с уверенностью сказать, уничтожили бы, когда террористы поднимались друг за другом по трапу на борт самолета... Но команды на открытие огня не прозвучало.

Правительство в очередной раз отступило.

Что же было потом? Карлос через несколько месяцев вернулся во Францию, разумеется, не с благими намерениями. При попытке ареста он убьет двух агентов спецслужб и сбежит. Вскоре появится в Вене. Возьмет в заложники участников конференции нефтедобывающих стран и с большим выкупом скроется в Ливии.

Через год с небольшим молукские террористы вновь овладеют поездом Ассен Де Пунт в Северной Голландии и возьмут в заложники 51 человека.

Наконец, даже самым либеральным политикам станет ясно: мира у террористов не выпросишь. Это осознание будет ознаменовано созданием в своих странах специальных подразделений по борьбе с терроризмом.

Для борьбы с ирландскими террористами в составе 22-го полка английских САС сформируют группу, получившую название «крыла противодействия революционному экстремизму». К концу 1974 года антитеррористическая команда САС имела статус штатного подразделения, расквартированного в Херефорде, со своим штабом, службами транспорта и связи. Командиры и бойцы получили свободу выбора любого оружия вне зависимости от его стоимости и страны производителя.

После провала в Мюнхене правительство Западной Германии создало специальное подразделение по борьбе с терроризмом, названное ГСГ-9. Первоначально оно насчитывало 50 человек и вошло в состав Федеральной пограничной полиции. Возглавил подразделение Ульрих Вегенер, который являлся экспертом по вопросам терроризма. Он поддерживал тесные контакты как с израильскими силами специальных операций, так и с английскими сасовцами.

В эти годы свое антитеррористическое подразделение создает и Франция. Группа вмешательства национальной жандармерии (ГИГН) – *Groupe d' Intervention de Gendarmerie Nationale*, GIGN, численностью 200 человек, со штаб-квартирой в Версале.

В том же 1974 году председатель КГБ Юрий Андропов собственной рукой написал приказ № 1 о создании группы «А». Он не желал, чтобы «сатанинская тень» террора накрыла Москву или какой-либо другой город Советского Союза.

А тень эта уже маячила за горизонтом.

Нельзя сказать, что в те годы в Комитете госбезопасности не доставало хороших оперативников, отменных стрелков-снайперов, спортсменов. Но этого было мало. С терроризмом нельзя бороться временными, наспех сколоченными группами. На пути бандитов-профессионалов должны стать профессионалы антитеррора. Такова была главная мысль председателя КГБ, когда он формировал первую в нашей стране группу, известную ныне как «Альфа».

Подразделения антитеррора в ту пору лишь зарождались. Известно было, что несколько школ по борьбе с терроризмом имеет Израиль.

Израильяне, после захвата террористами самолета в 1968 году, уже больше не позволяли никому угонять свои самолеты. Их инструкторы были весьма популярны в мире. Они работали в Парагвае, Гватемале, Сальвадоре, Тайване.

О ГСГ-9 – сведений самый минимум. Только то, что подразделение входит в состав командования пограничной охраны и подчиняется лично министру внутренних дел. Решает задачи по пресечению тяжких преступлений, связанных с убийством, взятием в заложники, разбоем, а также с покушениями на жизнь политических и государственных деятелей ФРГ.

Так что брать пример было особенно не с кого. Как, впрочем, и учиться. Путь был один – работать, искать, ошибаться и вновь искать, набивая синяки и шишки.

Первую тридцатку антитеррора поручили возглавить Герою Советского Союза пограничнику майору Виталию Бубенину.

Это назначение было не случайным. Как признался позже начальник погранвойск КГБ СССР генерал армии Вадим Матросов, когда Андропов приказал ему представить три кандидатуры на должность командира группы «А», фамилии Бубенина в этом списке не было. И Матросова можно понять. Их родной пограничник, боевой командир заставы на Даманском, Герой Советского Союза. В ту пору звание Героя – это большая редкость. Весь Союз его знает, да что там Союз – весь мир. Портреты героев-пограничников с Даманского обошли многие газеты и журналы планеты.

Но Андропов прочел данные по кандидатам и листки отложил в сторону. «Командиром группы «А» назначим Бубенина», – подвел он итог разговору.

Почему Председатель КГБ выбрал именно Бубенина? Да потому что он был мудрым руководителем и сумел осознать роль группы антитеррора в судьбе страны.

Это теперь «Альфа» такая известная и легендарная. А тогда никто бы не взялся предположить, что из всего этого получится.

Когда будущий начальник штаба «Альфы» полковник Анатолий Савельев, еще молодым прапорщиком, уходил в группу из своего подразделения, ему говорили: «Зачем это тебе нужно? Сколько таких групп создавалось под конкретные задачи... И где они теперь?»

Говорившие по-своему были правы. Действительно, в КГБ нередко формировались временные подразделения для выполнения конкретных задач. Но после решения задач они распадались, расформировывались. Кто о них знал, помнил? Многие считали, что и «Альфу» постигнет подобная судьба.

Однако был человек, который думал иначе. Этот человек не сомневался: путь «Альфы» окажется трудным, но, безусловно, славным. Что ж, решение председателя КГБ для подчиненных закон.

Прилетел Бубенин с границы. Ему объяснили, что за группа, каковы задачи, цели. В свою очередь присмотрелись к пограничнику. Офицер действительно боевой, авторитетный, со звездой Героя. Сам Виталий Дмитриевич сомневался, но дал согласие. Человек военный: надо – значит, надо.

Правда, через несколько лет он все же напишет рапорт – попросится опять на границу. Что поделаешь, тут как в любви: насильно мил не будешь. А насильно в группу никого не тянули. Она сама, как магнитом, притягивала к себе. Многим хотелось боевой работы.

Юрий Владимирович остался доволен. Он верил – рождалось подразделение, которое сможет защитить людей от терроризма.

Руководство группы понимало: традиционные методы отбора, принятые в КГБ, не годятся. Подразделение уникальное, и методы отбора должны быть уникальными.

Самое пристальное внимание – моральным и деловым качествам, умению работать в единой команде, одним коллективом.

Изучали кандидата, его наклонности, способности, коммуникабельность, реакцию, умение думать и принимать самостоятельные решения, идти на разумный риск. Излишне эмоциональных, взрывных, конфликтных старались не брать.

Словом, шли опытным путем. Ведь каких-то научных разработок в ту пору не было. Зато было большое желание создать крепкий, сплоченный коллектив единомышленников. И, как показала последующая жизнь, не ошиблись.

Что конкретно могли предложить вчерашний начальник погранзаставы майор Виталий Бубенин или его заместитель – офицер 7-го управления КГБ Роберт Ивон? Никто из них ничем подобным прежде не занимался. Опыта, что называется, ноль. И взять его негде.

Андропов хоть и разрешил набирать людей из штата всего комитета, но одним из условий для закрепления в группе будущего сотрудника была московская прописка.

Вот как о том времени вспоминают ветераны группы «А».

Валерий Емышев:

– В 1974 году я окончил очное отделение Высшей школы КГБ. Сказали, пойдешь в 7-е управление, хотя, признаться, планы у меня были другие.

Так распорядилась судьба. Наверное, в моем распределении сыграло роль и то, что я раньше служил в «семерке». Активно занимался спортом, был чемпионом управления.

О группе тогда практически ничего не знали, секретность полнейшая. Даже при зачислении в ее состав все беседы тет-а-тет, шептали на ухо. Мне, например, сказали, что будущая работа связана с риском для жизни. И только. Ну что ж, с риском так с риском.

В семьдесят четвертом мне уже было 32 года. Для нашей работы немало. Голов старше на год, немного помоложе Бодров и Федосеев, Савельеву меньше на четыре года. Самым старшим был Леденев, потом Ивон.

Помню, первая наша операция – освобождение Министерства здравоохранения в Рахмановском переулке. Тогда студенты-иностранцы захватили министерство...

Валентин Шергин:

– Родился в семье военнослужащего. Как и положено, отслужил срочную службу. Активно занимался спортом. Входил в сборную Москвы, мастер спорта по легкой атлетике.

Работал на ЗИЛе, окончил автомобильный техникум, поступил в Институт физической культуры.

В 1971 году пришел в Комитет госбезопасности, на самую низкую должность. А мне уже к тому времени 26 лет стукнуло.

Но рос по службе быстро, работа нравилась. За два года до прихода в группу был назначен начальником военно-физической работы управления.

Первый набор – 30 человек – оказался на редкость сильным во всех отношениях. Еще бы, выбирали из многих тысяч.

Работали мы за идею, никаких дополнительных льгот, выплат. Позже стали доплачивать 10 процентов. Часто сидели «на казарме», разъезды, вызовы. Бывали моменты, когда ко мне гости в дом, а я из дому. Вызывают на службу. Хорош хозяин, что и говорить...

Нина Зудина, вдова погибшего при штурме дворца Амина капитана Геннадия Зудина:

– Как Геннадий попал в «Альфу»? Случай по-своему курьезный. Он рассказывал, их было несколько кандидатов в группу. Беседовал с ними какой-то генерал и Ивон, заместитель начальника подразделения. Спрашивают: «Водку пьешь?» Геннадий замаялся и говорит: «Пью, конечно. В гостях, по праздникам». «Ну а норма какая у тебя?» – «Не знаю, по обстоятельствам, от настроения зависит». – «Бутылку выпьешь?» – допытывался генерал. «Выпью». – «А больше?» – «И больше выпью». Засмеялся генерал и отпустил. А следом Ивон из кабинета выбежал, стал стыдить: «Ну как же ты, Зудин, с этой водкой!» – «Я ведь правду сказал, как есть».

А сам потом переживал крепко, думал, не возьмут в группу. Оказывается, взяли.

Михаил Картофельников:

– Отец у меня офицер, семья военная. Закончил десятый класс, поступил в школу тренеров при Московском институте физкультуры. Занимался лыжными гонками.

После школы направили в Свердловск тренером в «Локомотив». Дальше – армия, спортивная рота. В армии женился. Жена моя закончила химико-технологический институт, известную Менделеевку. Ну и я туда. Потом работал пять лет химиком. В 15-м Главке было такое подразделение. А в 1978 году мне предложили перейти в группу.

Как со мной беседовали в подразделении, до сих пор помню. Вопросы тогда казались странноватыми. Ну например: «Как у тебя дела с тещеславием?» О предстоящей работе ничего не говорили. Разве что спросили: «С парашютом прыгнешь?» – «Отчего не прыгнуть?» Я тогда здоровый был, мастер спорта по лыжам, горел душой и телом. Желание огромное работать.

Первым мне глаза раскрыл начальник отделения Шергин, когда я уже был зачислен в подразделение. Мол, есть необходимость бороться с международным терроризмом. Но как с ним бороться, никто не знал. Хотя общефизическая и огневая подготовка уже тогда оказалась весьма серьезной.

Помнится, выехали в Тулу: прыжки, ориентирование, огневая, марш-броски, переходы, минно-подрывное дело, гранатометание.

После этого выезд в Ярославль. Прошли колоссальную программу. Стрельба из всех видов оружия, включая бронетанковое: БМП, БТР, танки. Возждение всех средств.

Там много заброшенных деревенок. Мы их использовали для отработки различных вопросов: освобождение заложников, захват языка, нападение на часовых...

Виктор Блинов:

– Пришел в группу во втором потоке. Готовил себя упорно – занимался легкой атлетикой, единоборством, гиревым спортом, многоборьем. Был призером «Динамо» по боксу.

Но дело не только в физической готовности. В нашей работе очень важно уметь принимать решение, не теряться, не делать квадратные глаза. Когда ситуация неординарная, надо сохранить холодный ум, всегда помнить, что рядом с тобой действуют товарищи и ты не должен поставить их в невыгодное или опасное положение.

Твои противники, хоть и преступники, тоже люди. Не говоря уже о заложниках. Этому нас и учили с первых дней пребывания в подразделении «А».

Михаил Максимов:

– Отбор в группу был очень жесткий, серьезный. В первый раз не прошел. Работал, готовился и через два года оказался в подразделении. Почему в группу «А» отбирали прежде всего спортсменов? Да потому, что спорт закаляет характер, кристаллизует волю, учит побеждать.

В подмосковных лесах мы тренировались в суточных, двухсуточных переходах, шли по колено в снегу. Назад ходу нет, сожмешь зубы и вперед. У незакаленных людей рвота от напряжения. А ты закусил удила и идешь.

То же самое в Афганистане. Там приходилось преодолевать огромные расстояния по горам. Или в пустыне, когда жара 70 градусов.

Первая по-настоящему боевая операция группы – террорист Власенко в американском посольстве в 1979 году.

С тех пор прошло уже без малого сорок пять лет, но первая «бубенинская» тридцатка и поныне считается лучшей. Почему?

Возможно, на этот вопрос ответят сами сотрудники группы «А». И в первую очередь из того первого набора.

Вот мнение полковника Анатолия Савельева, погибшего при освобождении заложников у шведского посольства 20 декабря 1997 года. Интервью у меня с ним состоялось в марте 1992 года.

Корреспондент:

– Как вы думаете, первый набор группы «А», первая тридцатка, был удачным?

Савельев:

– Да, очень удачным. Этот первый призыв и еще набор 1978 года – самые лучшие. Без сомнения. Хотя и позже выбор был большой...

Корреспондент:

– А почему так? От чего зависит?

Савельев:

– Мне кажется, это было совсем другое поколение людей. Иное отношение к делу. Ведь многое из того, что мы делали, нам никто не говорил, в шею не гнал, мол, делай добросовестно. Это как разумеющееся само собой.

Вот Сергей Александрович Голов. Он был уже майор, а я – лейтенант. Но если надо мыть туалет, никто не возражал. У нас ведь в ту пору уборщиц не было. Сейчас чуть что, слышишь от молодежи: «Давай уборщицу, мы – офицеры. Почему мы должны этим заниматься?»

Когда надо попахать немножко, сразу вспоминают: они офицеры. А когда речь идет о чести, достоинстве, других профессиональных качествах, нередко забывают, что они офицеры.

А в первой тридцатке ребята были здоровые от природы, занимались спортом, имели голову на плечах.

Очень важно, что большинство сотрудников первого набора пришли из «наружки». Там работа очень самостоятельная. Ты остаешься один на один. Надо думать.

Такой видел «бубенинскую» тридцатку изнутри Савельев, которому было посмертно присвоено звание Героя России.

Итак, в группу набирали прежде всего лучших сотрудников КГБ, высокоподготовленных в физическом и профессиональном отношении. Эти офицеры и прапорщики имели среднее специальное и высшее образование. Многие успели до прихода в подразделение поработать в других управлениях, службах на заводах, в трудовых коллективах.

Так, Виктор Карпухин, будущий командир «Альфы» и Герой Советского Союза, до прихода в группу окончил Ташкентское танковое училище, командовал ротой, учился в педагогическом институте; Виталий Демидкин был дипломированным фельдшером, поработал в «Скорой помощи», врачом в хоккейной команде; Анатолий Савельев – выпускник авиационного техникума, сотрудник НИИ, Игорь Орехов – студент института электронного машиностроения. Все они, разумеется, спортсмены – мастера спорта, кандидаты в мастера, перворазрядники, чемпионы управлений Комитета госбезопасности, столицы, а порою и страны.

Однако при особой важности физподготовки, других специальных дисциплин, таких как ведение огня из всех видов оружия, вождение автомобилей и бронетанковой техники, на первое место ставилось умение думать, мыслить оперативно, безошибочно принимать решения, быстро и наверняка действовать при их выполнении.

Да, со временем у группы появилось психологическое и медицинское обеспечение, собственные разработки. Изучался и применялся зарубежный опыт. И все-таки, какие инструкции ни пиши, какими специалистами ни обставляй сотрудника, в операции, лицом к лицу с преступником, он всегда один. И чаще всего помочь ему не могут ни начальник, ни старший товарищ.

Создавая принципиально новое подразделение в недрах КГБ, руководство Комитета видело его в будущем центром борьбы с терроризмом. Надо отдать должное прозорливости и профессиональному чутью Юрия Владимировича Андропова – он обогнал, опередил хваленых американских экспертов, специалистов по антитерроризму. Пока ветеран частей особого назначения Чарльз Беквит ходил по кабинетам и убеждал пентагоновских чиновников в необходимости создания спецподразделения антитеррора, председатель КГБ СССР собственноручно написал приказ номер один и начал комплектование группы «А».

Впереди были новые заботы. Первый командир «Альфы» майор Бубенин не мог, подобно Беквиту, поехать в Англию и пройти стажировку в знаменитом полку САС и потому шел единственно возможным путем. Путем проб и ошибок. Самое пристальное внимание – моральным и деловым качествам, умению работать в единой команде, одним коллективом.

Изучали кандидата, его наклонности, способности, коммуникабельность, реакцию, умение думать и принимать самостоятельные решения, идти на разумный риск. Словом, шли опытным путем. Ведь каких-то научных разработок в ту пору не было. Зато было большое желание создать крепкий, сколоченный коллектив единомышленников. И, как показала последующая жизнь, сделать это удалось.

Первая тридцатка

Волей председателя Комитета государственной безопасности группа «А» родилась. Тридцать сотрудников зачислены в ее штат. Ребята боевые, спортивные, полные энергии и веры в себя. В своих прежних подразделениях они были лучшими. О прошлой работе знали все или почти все.

Теперь пришлось начинать с нуля. Что ж, удивляться – это наша традиция. Помню, слышал по телевизору выступление космонавта Алексея Леонова. Он рассказывал, что долгое время кандидатов первого «гагаринского» отряда преследовало странное чувство «дублеров». Будто бы где-то в другом месте тренировалась основная группа, а они были вроде как на запасных ролях.

А ощущения эти имели под собой вполне реальную почву. Казалось бы, первый отряд космонавтов, дело планетарного значения затевали, а поселили офицеров в наспех подготовленную казарму, учебно-тренировочной базы никакой. Ездили тренироваться на испытательные заводы.

Вот и сложилось у людей мнение, особенно на первых порах, что есть где-то основной состав, для которых созданы все условия, а они так, на подхвате, на всякий случай.

Увы, никакого основного состава не было. Первый набор, в который пришел и Алексей Леонов, и являлся главным и единственным в ту пору.

Нечто подобное происходило и с первой «альфовской тридцаткой».

Жили на правах бедных родственников. Когда создается новое подразделение, резервных помещений, конечно же, нет. Потеснился один из отделов, и кое-как разместились. Дежурная смена спала на раскладушках. Негде было хранить оружие. Учебный процесс выглядел куце. Но коллектив подобрался хороший, ребята что надо, с жизненным и чекистским опытом.

Конечно, и сам командир группы, и его заместитель, да и бойцы подразделения прекрасно понимали, что их главная задача – выполнение антитеррористических задач, таких как освобождение самолетов, кораблей, иностранных представительств. Но поначалу надо было, как говорят в войсках, «сколотить» воинский коллектив, решить проблему слаженности боевого подразделения. Чтобы они чувствовали себя единой семьей, прежде всего на поле боя. А для этого следовало отработать тактику, организовать взаимодействие, связь.

А тем временем в мире уже происходили угоны самолетов, захваты террористами заложников. Надо было спешить.

Командир группы «А» и сам пронибал – пора начинать тренировки на самолетах. Но чему учить людей? Сначала надо бы понять, как будут действовать террористы.

Не забудем, что в ту пору террористические акты в нашей стране были достаточно редки. А уж захваты самолетов и тем более.

Виталий Бубенин с Робертом Ивоном перелопатили кагэбэшные архивы. Оказалось, попытка угона самолета за границу в послевоенный период (в довоенный их вообще не было) прилась на далекий 1954 год. Самолет «Ли-2» угоняли из Эстонии. Ее сорвал бортмеханик Тимофей Ромашкин, вступивший в борьбу с бандитами. Он погиб. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1970 году отец и сын Бразинскасы захватили самолет «Ан-24», убили бортпроводницу Надежду Курченко и приказали лететь в Турцию. Самолет совершил посадку на аэродроме турецкого города Трабзон. С тех пор об угонщиках ничего не слышно. МИД СССР потребовал выдачи убийц. Только кто же их выдаст. Им теперь предоставят политическое убежище и сделают из них борцов с коммунистическим режимом.

И наконец, в 1973 году четверо вооруженных преступников захватили самолет «Як-40», следовавший по маршруту Москва – Минск, и потребовали вылета за рубеж. Спецоперацию

по освобождению заложников проводили московские милиционеры и сотрудники УКГБ по Москве и Московской области.

Если первых два захвата в 1954 и 1970 годах мало что могли дать Бубенину и его бойцам, то операцию 1973 года они разобрали по косточкам.

А дело происходило так. После захвата экипажу удалось убедить бандитов сделать посадку в Москве, якобы для дозаправки топливом. Посадку сделали во Внуково-2.

Первыми в переговоры с бандитами вступили министр внутренних дел Николай Щелоков и первый заместитель председателя КГБ Семен Цвигун. Они оказались в аэропорту после завершения межгосударственного визита. А тут и «Як-40» с террористами подрулил.

Высокие начальники начали переговоры. Вскоре в аэропорт прибыл шеф Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин.

Террористы требовали дозаправку самолета, передачу 1,5 миллиона долларов и вылет в Швецию. Если их требования не будут выполнены, угрожали взорвать самолет с пассажирами и экипажем.

Щелоков и Цвигун решили удовлетворить требования угонщиков и выпустить самолет за границу, но поставили условие – вылет только после передачи раненых. Террористы приняли условие.

К самолету были направлены заправщик и машины «Скорой помощи». Когда машины возвратились, сотрудникам КГБ удалось узнать, со слов эвакуированных пассажиров, что в салоне находятся четверо захватчиков, вооруженных ружьями.

Относительно взрывного устройства раненые отвечали отрицательно. Никто из них не видел у террористов бомбы, взрывчатки или что-нибудь подобное.

Было принято решение провести спецоперацию по нейтрализации террористов и освобождению заложников.

Группу захвата возглавил начальник Московского уголовного розыска. Штурмующих одели в бронежилеты, вооружили табельными «макаровыми», и они, выстроившись в цепочку, незаметно для террористов расположились под фюзеляжем самолета.

Когда сотрудник с чемоданом в руке, в котором были приготовлены деньги для передачи, подошел к лайнеру, бандиты открыли двери. Прозвучали выстрелы. Двое террористов упали замертво у двери, а группа захвата быстро проникла в самолет и арестовала угонщиков.

Никто из пассажиров во время штурма не пострадал.

На первый взгляд спецоперация прошла успешно. Однако когда Бубенин и его сотрудники стали тщательно анализировать все этапы, оказалось, что успеха добиться помогла цепь счастливых случайностей. Но полагаться только на удачу, везение в борьбе с террористами нельзя. Значит, надо думать, искать, анализировать... Пробовать, ошибаться и вновь искать.

Каждый день Бубенин и его заместитель Ивон начинали эту странную игру. Ставили себя на место террористов. Захват. Что дальше? Бандиты должны выдвинуть требования. Каким образом? Варианта три. По радио с самолета, в форточку кабины, в открытую дверь, как летом 1973-го во Внуково-2.

Аккумуляторные батареи быстро сядут, да дверь в кабину заблокирована, и пилоты ее не откроют, значит, остается дверь лайнера. Использовать тот же багор или нечто подобное, чтобы угонщики не могли ее захлопнуть. Использовали. Что дальше? Вопросы, вопросы, вопросы...

Самолеты, которые предстояло штурмовать, бойцы первой тридцатки излазали «от» и «до» на собственном пузе: где какие люки, лючки, двери, как они открываются, закрываются, куда падают, в проход или на кресла. Изучали и наиболее уязвимые места воздушных лайнеров, ознакомились с порядком заправки горючим, смены экипажей, загрузки и выгрузки багажа, посадки пассажиров.

Словом, работали. А вскоре провели и свои первые учения по освобождению захваченного «террористами» самолета. Посмотреть, чему научились сотрудники группы «А», приехал заместитель председателя КГБ.

Противостояли «альфовцам» опытные оперативники Комитета. Им была поставлена задача обнаружить бойцов штурмовой группы еще на подходе, до проникновения в самолет.

Оперативники глядели во все глаза в иллюминаторы. Они понимали: «альфовцы» где-то здесь, рядом. Чувствовали даже покачивание самолета, какие-то едва различимые шорохи, но ничего не видели. Вокруг лайнера никаких людей, плоскости крыльев пусты.

И вдруг в мгновение ока в полупустом самолете – толпа людей. В униформе, в касках, с пистолетами. Ослепляющий взрыв, резкие крики: «Руки за голову! Голову на колени!» Оперативников, которые играли за террористов, быстро скрутили, спустили вниз, положили носом на бетонку у самолета. Зампред КГБ остался доволен.

Но чего это стоило «альфовцам»? Например, найти «мертвое» пространство на крыле самолета, считай, целое открытие. Оказывается, есть такое, и бойцы группы антитеррора вполне успешно используют его для скрытного выдвижения к люку лайнера.

Тогда же, в ходе тренировок на самолете, сотрудники подразделения поняли, что при проникновении в салон главное – скорость, быстрота броска. Неожиданное появление бойцов, с применением светошумовых гранат и других спецсредств, парализует волю захватчиков, дает выигрыш во времени, а значит, возможность завершить операцию успешно.

Через два года, в 1977-м, жизнь подтвердит правильность теории быстрого штурма. Самолет «Боинг» немецкой авиакомпании «Люфтганза», совершавший рейс из аэропорта Пальма на острове Майорка во Франкфурт-на-Майне, был захвачен группой террористов. Бандиты приказали лететь на Кипр. Потом самолет делал перелеты и посадки в Бахрейне, Дубае, Южном Йемене. Наконец, авиалайнер совершил посадку в столичном аэропорту Сомали – Могадишо.

В этот же день в Могадишо спецрейсом из Германии прибыли бойцы подразделения ГСГ-9 во главе со своим командиром Ульрихом Вегенером. Вместе с германскими спецназовцами прилетели два офицера английской антитеррористической группы САС. Они, кстати, привезли с собой светошумовые гранаты, которые при штурме сыграют важную роль.

На проникновение в самолет и уничтожение первых террористов ушло всего семь секунд. Это сыграло решающую роль в успешном исходе операции. Несмотря на ожесточенное сопротивление, террористы были ликвидированы, заложники – освобождены.

Однако до 1977 года было еще далеко, и Бубенин со своими бойцами не ждал практического подтверждения правильности отработанных приемов. Он шел вперед. Кстати говоря, приемы эти в работе до сих пор. Разумеется, они совершенствуются, но основы, разработанные первой тридцаткой, остаются прежними.

Что характерно, они универсальны и применяются подразделениями антитеррора во всем мире.

На правах оперативного отдела

После Бубенина группу принял подполковник Геннадий Николаевич Зайцев. Они хорошо были знакомы с Бубениным, их подразделения находились рядом. Однако Геннадий Николаевич и не подозревал, что именно его кандидатура рассматривается на должность командира группы. Теперь, когда прошли десятилетия, понимаешь, сколь мудрое это было решение. Зайцев посвятил всю жизнь созданию и укреплению этого легендарного управления, при нем группа выросла в мощное антитеррористическое подразделение. А Геннадий Николаевич получил звание генерал-майора и удостоен высшей награды Отечества – звания Героя Советского Союза.

Срочную службу рядовой Зайцев проходил в кремлевском полку. Остался на сверхсрочную. Начинать старшиной в Управлении коменданта Московского Кремля. Потом, несмотря на свое старшинское звание, попал в так называемый офицерский батальон. Службу в этом подразделении несли только офицеры на наиболее ответственных постах.

После того как в 1959 году произошло слияние 9-го управления КГБ и Управления коменданта Московского Кремля, старшина Зайцев угодил под сокращение. Однако вскоре он был принят в 7-е управление КГБ. С тех пор там и служил.

Геннадий Зайцев был первым, кто возглавил группу чекистов, которым поручили охранять председателя КГБ Андропова. До этого личной охраны у Юрия Владимировича не было.

Потом были другие подразделения, иные задачи. Будучи в звании старшего лейтенанта, Зайцева назначили начальником отделения. Как сказал его куратор: «Впервые встречаю, чтобы в Комитете госбезопасности старшего лейтенанта назначили на подполковничью должность».

Но тем не менее это случилось. Коллектив отделения по штату был большой, в подчинении сотрудники и выше по званию, и старше по возрасту. Однако Зайцев находил с ними общий язык. На этой должности он прослужил пять лет, затем стал заместителем начальника отдела.

В ноябре 1977 года, когда Зайцев возглавил подразделение, статус группы «А» стал иным. Если раньше она занимала некую промежуточную позицию между отделением и отделом, то теперь численный состав был увеличен с 30 до 56 человек. А статус ей повысил лично Юрий Владимирович Андропов. Своей рукой написал: «Группа действует на правах оперативного отдела». Соответственно, должность у командира тоже повысилась, стала полковничьей.

Роберт Петрович Ивон, заместитель начальника группы, занимался разработкой и проведением тренировок, учений, полевых выходов, Михаил Михайлович Романов – еще один зам – тащил свой участок: физическую и специальную подготовку.

Что за группа антитеррора, которая не знает, как нейтрализовать террористов и освободить заложников в самолете, в доме, в автобусе, в железнодорожном вагоне? Сперва надо было разработать модель освобождения, иметь соответствующее вооружение, оптику, спецбоеприпасы – химические, осветительные, взрывные.

Одной из первых разработок было создание автобуса-ловушки. Известно, что террористы для доставки в аэропорт требуют, как правило, машину или автобус. А если по дороге их усыпить? Определенная доза газа подается в салон – и их берут, что называется, «тепленькими», не успевшими опомниться.

Идея была привлекательная, что и говорить. Вот только на пути к ее осуществлению пришлось столкнуться с массой проблем. Удавалось усыпить подопытных животных (для этого использовались три обезьяны и две кошки) на 5–7 минут. Но успеют ли бойцы группы за такое короткое время нагнать автобус и взять террористов? Ведь группа захвата следует всегда несколько позади, чтобы ее не обнаружили.

А если будет потерян из виду автобус и террористы, очухавшись, поймут, в чем дело, и расправятся с заложниками?

Были проблемы и сугубо технического характера. Как, например, в салоне погасить шум выхода газов? Да, замаскировать под шум работающего двигателя. Но, оказалось, сделать это практически очень трудно. Так и осталась эта идея неосуществленной.

С первых шагов группы «альфовцы» столкнулись с вопросами концептуально-правового подхода. В борьбе с террористами некоторые страны, такие как Аргентина, Колумбия, Турция, считают нецелесообразным вступать в переговоры с террористами. По их мнению, в случае захвата заложников надо осуществлять операцию с применением силы.

В подразделении избрали другой путь, считая эффективным разрешением конфликта проведение переговоров, иногда идя и на частичные уступки.

Перед группой поставили задачу – использовать боевое оружие только в исключительном случае. Эта концепция перевернула все взгляды на роль вооружения. Теперь они нуждались в принципиально новом оружии – газовом, например, которое приобрели за рубежом. Однако в ту пору не было опыта его применения.

Какой тут выход? Попробовать на себе. Вот как о том давнем эксперименте рассказывает **Михаил Романов**: *«Помнится, мы перевели на русский язык инструкцию. Внимательно прочли ее. Если попал под выстрел – как лучшее успокоительное средство инструкция рекомендовала воду. Вода так вода. Разделись с Ивоном до трусов и устроили дуэль на газовых пистолетах. Дозы небольшие. Выстрелили друг в друга и бросились под воду. А она, оказывается, когда попадает на кожу после выстрела, вызывает страшную резь. Такое впечатление, что все, приходит конец, прощайся с жизнью.*

Позже, в ходе тренировок, поняли – оружие для нас не очень подходящее: сквозняков боится, встречного ветра. А под самолетом или на крыле кто же может гарантировать отсутствие ветра? Так что пришлось искать замену «газовикам».

Вообще, причина всех мучений группы антитеррора – отсутствие учебно-тренировочной базы.

Допустим, какие-то теоретические занятия можно провести в кабинете. А постоянные стрелковые тренировки? Без тира не обойтись. Необходимы и другие помещения. Как устроить тренинг по теме «бой в доме»? Там ведь и тактика действий имеет свои специфические законы, и стрельба совсем иная, и проникновение в дом, и многие другие элементы.

А в чужой тир то пускают, то не пускают, то в одни часы, то в другие. В общем, все шло с большим скрипом...»

Неизбежно встал вопрос с транспортом. Одно дело – выехать на стрельбище, другое – мчаться по боевой тревоге. Тут и скоростные машины нужны, и водители экстракласса, виртуозы. Их ведь тоже где-то обучать надо – не в школе же ДОСААФ.

Мне рассказывали бойцы группы: *«Доходило до смешного. Автобусы выделили мало-мощные, слабенькие «пазики». Погрузились туда сотрудники, с собой экипировка, оружие, боеприпасы, спецсредства, бронезилеты, и... автобус не тянет, не везет. Это вам не «мерсы» у группы ГСГ-9 в ФРГ. Попытались было кивнуть на Германию, мол, хорошо бы транспорт помощнее, в верхах лишь развели руками: какие «Мерседесы»...»*

Правда, подвесные системы «Роллглизс» для работы на вертикальных плоскостях и радиофицированные, пуленепробиваемые жилеты за границей закупили.

Многое придумывали сами. Например, замечательные «альфовские» кейсы, в которых укладывалось оружие. Удобно, скрыто от посторонних глаз, сокращает время на сборы. Однако

вскоре кейсы не выдержали «боевой нагрузки», стали разваливаться. Пришлось укреплять, выдумывать новую конструкцию.

Вообще «придумки» были разные. Руководство поощряло самые фантастические предложения. Ну, например, группе иметь свой вертолет. А что, здорово? Сегодня в Москве такие пробки, заторы на дорогах, в аэропорт по тревоге иной раз только на вертолете и можно проваться.

Однако сегодня это предложение звучит так же фантастично, как и много лет назад.

Все понимали – не последнее дело экипировка... Она должна была полностью соответствовать многим жестким требованиям. Пришлось пересмотреть буквально все, во что одеваются солдаты и офицеры Вооруженных сил, КГБ, МВД.

Многое позаимствовали у летчиков, удобными оказались комбинезоны летных техников, кожаные куртки, сапоги. Спасибо, армия всегда шла навстречу: обувала, одевала.

В этом поиске бывали и ошибки. Решали, помнится, из джинсовки заказать на фабрике комбинезоны. Долго колдовали над фасоном, думали, где, какие карманы и карманчики припандорить, чтоб комбез многофункциональным, удобным, словом, «боевым» получился. Что ж, отвезли швейникам свои предложения, ждали с нетерпением. Каковы же были удивление и досада, когда наконец получили заказ. Все оказалось на месте, и даже многочисленные карманы и карманчики, но комбез... стоял. Что делать, таково качество нашей продукции.

Не было проблем со штатным вооружением. Стрелковые упражнения рассчитаны на применение практически всех видов оружия – пистолета Макарова, автомата Калашникова (всех его модификаций), пулемета, снайперской винтовки Драгунова и даже крупнокалиберных пулеметов Владимирова.

Для ближнего боя использовался автомат «Скорпион». Конечно, были у бойцов другие иностранные марки, но они оказались хуже наших. К тому же для них нужен запас патронов. И ведь именно для штатного оружия подогнаны кобура, комбинезон. Словом, в применении зарубежных «образцов» больше хлопот, чем пользы.

Но это что касается штатного оружия. Если же говорить о спецоружии, его разработка и внедрение растягивались на годы. Нет, оно создавалось, но не для подразделения «А». «Альфавцы» порою с трудом пробивали себе несколько единиц. У нас ведь как: хотите – берите партию пять тысяч штук, а сотню кто будет делать?

Кстати говоря, рядовые сотрудники НИИ всегда относились к просьбам группы с открытой душой: помочь, подсказать, рассчитать – пожалуйста. А вот начальство морщило лоб: «Вы у нас не в плане...» И хоть головой об стену.

Мучительно долго решался очень важный вопрос о создании титанового бронежилета, который позволил бы приблизиться к мине или предполагаемой взрывчатке, заряду, рассмотреть их, а возможно, и нейтрализовать.

Наша страна – морская держава, и потому в составе группы «А» было создано подразделение для борьбы с подводными диверсантами и террористами. Готовили людей на Балтике, на Кубе. Разрабатывали свои программы, кое-что позаимствовали у кубинцев.

Конечно, с завистью смотрели на зарубежные группы подобного типа, западногерманскую ГСГ-9, например. Но что сравнивать несравнимое? У них и штат иной, и обеспечение. Под Бонном своя резиденция, учебная база, которая «Альфе» и не снилась. Транспорт сверхнадежный – автобусы, скоростные автомобили «Мерседес», специально изготовленное вооружение. Интересно, что огонь автомата «шмайссер» последнего выпуска, которым вооружена ГСГ-9, ощутили на себе в Афганистане, при штурме дворца Амина.

Вот таким было начало...

Командировка в Цюрих

Помните старую веселую частушку: «Поменяли хулигана на Луиса Корвалана»? В середине семидесятых она была популярна в народе. Теперь мы доподлинно знаем: в декабре 1976 года Советский Союз обменял известного диссидента Владимира Буковского на Генерального секретаря Коммунистической партии Чили товарища Лучо.

Обменяли их в Цюрихе. Приехавший в Москву через пятнадцать лет Буковский в телеинтервью обмолвился о людях, которые сопровождали его из Владимирской тюрьмы и потом за границу, но кто они, оставалось гадать. Ни имен, ни фамилий Буковский не знал, да и знать не мог.

А люди были из «Альфы». Операция по обмену диссидента стала своеобразным дебютом группы. Правда, за эти два года их несколько раз поднимали по тревоге: студенты блокировали эфиопское посольство, устроили демонстрацию у диппредставительства африканского государства Того. Требовали повышения стипендий. Сначала их уговаривали, а потом заходили в посольство, выводили на улицу, упирающихся просто брали на руки, выносили, рассаживали в автобусы. На этом борьба с «террористами» закончилась. Еще двое сотрудников были в командировке в Ливане, обеспечивали безопасность посла. Но разве о таком мечтали бойцы группы антитеррора? Хотелось настоящей боевой работы. Два года только и занимались тем, что стреляли, бегали кроссы, водили машины, прыгали с парашютом, действовали на учениях в качестве разведывательно-диверсионной группы.

Всякий раз, когда в подразделение наведывался генерал Бесчастнов, терзали шефа «семерки». Тот пытался успокоить: мол, не спешите, ребята, на ваш век работы хватит. И всякий раз повторял: главное, чтобы вы были готовы к работе в любое время дня и ночи. При этих словах бойцы всегда шумели, пытались затащить Алексея Дмитриевича в тир, на деле доказать, что стрелки они отличные. И в стойке, и с колена, и в падении цели подражали отменно.

Бесчастнов удовлетворенно кивал, улыбался, но упрямо гнул свое. А однажды заставил призадуматься, спросив: как они считают, умеют ли стрелять снайперы западногерманской антитеррористической группы ГСГ-9? Сомнений не было, группа считалась одной из лучших в мире.

– Значит, вы признаете, что их ребята стреляют так же лихо? – усмехнулся генерал.

Получив утвердительный ответ, он задал главный вопрос:

– Тогда почему на Олимпиаде в Мюнхене два немецких снайпера, державших террористов на прицеле, не смогли выстрелить?

Действительно, почему? Оказывается, мало уметь метко и быстро стрелять, надо быть еще и психологически готовым. Ведь террорист тоже человек, не робот. Значит, надо быть психологически готовым убить человека... Такого человека, который ставит себя вне закона. Жестоко? Нет, гуманно. В высшей степени гуманно. Ибо речь идет о чудовище в человеческом обличье, которое угрожает детям, как в Орджоникидзе, или убивает несколько человек подряд, как в Тбилиси. И все же вопросы остаются. Искать на них верные ответы учит старый генерал. Опытный контрразведчик Бесчастнов. Ах, как он окажется прав!

Пройдут годы, бойцы группы с улыбкой вспомнят свое нетерпение. Но это будет потом. А тогда им предстояло выполнить конкретное задание – обменять Корвалана на Буковского. Никто из них, кому поручено проведение операции – Ивон, Леденев и Коломеец, – за границей, в том числе в Цюрихе, никогда не бывал. Да и многочисленные начальники, которые инструктировали бойцов группы «А», сами не очень представляли, как осуществится обмен. Общие слова и призывы к постоянной бдительности, предупреждения о возможности провокаций только нагнетали нервозность.

...Для полета в Цюрих Андропов дал свой самолет. «Ту-134» ждал Буковского и сопровождающих его сотрудников группы в Чкаловском. Накануне Буковского забрали из Владимирской тюрьмы и перевезли в Лефортово.

Утром 17 декабря за ним приехали. Из камеры вывели бледного, шупленького мужчину. В тусклом свете тюремных ламп лицо Буковского напоминало серую гипсовую маску, и только глаза были живые, тревожные... О чем думал в те минуты диссидент, «хулиган», непроходящая «головная боль» советской верхушки? Об обмене, о будущей эмиграции, о стране, которую покидает. Она не очень приветлива была к нему – тюрьмы да лагеря, и все-таки это – его Родина.

А может, размышлял о человеке, который ждал его в конце коридора с наручниками? Может быть...

Буковский протянул руки, на запястьях щелкнули металлические обручи.

Они вышли в тюремный дворик, сели в «рафик». Теперь путь лежал в Чкаловское. По дороге забрали мать и сестру Буковского, потом племянника. Мальчик лежал в онкологическом отделении больницы, был тяжело болен, но диссидент настаивал: племянник должен лететь с ними.

Разрешение получено, и бойцам группы «А» оставалось лишь исполнить свою миссию: доставить Буковского в Цюрих, а оттуда забрать Корвалана.

Вылетели ближе к полудню. Полет прошел спокойно, обыденно.

– Подлетаем, – сказал Ивон, и в ту же секунду качнулся и вздыбился горизонт огней за иллюминатором. Самолет заходил на посадку. Не успели пилоты заглушить двигатели, как у трапа тормознула «Скорая помощь» – шикарный «Мерседес», весь в мигающих огнях. С борта самолета перенесли в машину больного мальчишку. «Мерседес» взвыл сиреной и рванул на выезд из аэропорта.

Лайнер был окружен вооруженными швейцарскими полицейскими. Ивон прикинул: человек семьдесят, не меньше.

– Многовато что-то, Дмитрий, – наклонился он к Леденеву.

– Уважают, Роберт Петрович, – мрачно пошутил тот.

– Кого? Нас или Буковского?

Леденев не ответил: к самолету через летное поле приближался огромный автомобиль. Такие машины приходилось видеть лишь в заграничном кино. Сверкая черными боками, он резко затормозил.

– Ну вот и Корвалан, – сказал с облегчением Ивон, узнав среди покинувших машину Генерального секретаря и его жену. Теперь оставалось проводить Буковского. Однако тот отказался выходить из самолета:

– Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую...

Корвалан с женой поднялись в самолет, в передний салон, а Буковский не соглашался покидать борт. Внизу у трапа произошло замешательство: Корвалан в самолете, а Буковского нет. Люди, приехавшие в лимузине, выхватывают автоматы и окружают Дмитрия Леденева: «Господин Буковский! Господин Буковский!»

Леденев отбивается, пытаясь жестами объяснить, что он не тот, за кого его принимают.

Через командира корабля Ивон связывается с Центром: Корвалана забрали, а Буковский выходить не хочет, оба на борту, что делать? Говорят, когда сообщили Андропову, он долго смеялся: опять «голоса» поднимут вой – вероломный Кремль обманул доверчивых американцев.

Было приказано успокоить Буковского и передать, что все идет строго в соответствии с договоренностью. Насилу удалось убедить. Наконец он и родственники покинули борт самолета, блокада была снята, люди с оружием исчезли. Поступил приказ: «На взлет!»

Командир экипажа сообщил: летим в Минск. Теперь заволновался Корвалан. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, оказалось дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: «Как же так, исчез, а куда?» Доложили в Москву. Вскоре было дано добро, и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати.

В Минске они доставили Корвалана по назначенному адресу и поездом возвратились в столицу. На Белорусском вокзале их встречал генерал Алексей Бесчастнов.

«Таких ребят меняем на подонков...»

Полет в Цюрих и обмен Буковского на Корвалана оказался для бойцов «Альфы» своего рода разминкой. Так уж распорядилась жизнь. Они мечтали о боевой работе, а их привлекали к совсем «непрофильной» деятельности. Во всяком случае, так считали многие в подразделении. Однако у руководства КГБ была своя точка зрения.

На этот раз они должны были доставить за океан в США пятерых советских диссидентов – Эдуарда Кузнецова, Марка Дымшица, Александра Гинзбурга, Валентина Мороза, Георгия Винса. На этот раз никто персональных самолетов не предоставлял. Диссидентов предстояло доставить в Нью-Йорк обычным рейсом «Аэрофлота».

Кроме приказа, который для человека военного, как известно, свят, сотрудники группы «А» понимали государственную важность этой миссии. Их не особенно интересовали диссиденты. Конечно, «альфовцы» были обязаны доставить эту пятерку в целости и сохранности. Важнее было другое: забрать из неволи, из американской тюрьмы двух советских разведчиков, своих коллег из Первого главного управления КГБ.

Вальдик Энгер и Рудольф Черняев работали под прикрытием в Секретариате ООН. Их предал будущий перебежчик, заместитель Генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко, который работал на американские спецслужбы.

Взяли их во время проведения тайниковой операции, скрутили и бросили в тюрьму. Прдержали там месяц, потом под поручительство посла перевели под домашний арест. Суд приговорил Энгера и Черняева к ста годам тюремного заключения. По пятьдесят лет на каждого.

Шла холодная война. Судьба разведчиков решалась на самом высоком уровне. Когда вопрос об обмене был согласован, «сотрудникам КГБ, – скажет позже Геннадий Зайцев, – предстояло разыграть эту партитуру по оперативным нотам и не допустить технических ошибок».

Старшим группы охраны и сопровождения диссидентской пятерки был назначен командир «Альфы» подполковник Зайцев. Непосредственно в состав группы вошли сотрудники подразделения В. Виноградов, В. Титлов, В. Емышев, С. Гончаров, М. Головатов, Д. Леденев, А. Васильев, С. Коломеец, В. Гришин. На одного охраняемого по два бойца. Их сопровождал заместитель начальника госпиталя КГБ полковник медицинской службы В. Максимов. На тот случай, если кому-то понадобится врачебная помощь.

27 апреля 1978 года сотрудники группы «А» подъехали к изолятору КГБ «Лефортово» и сопроводили к машинам диссидентов. Каждый из них вместе с двумя сотрудниками разместился в отдельном автомобиле. Машины были поданы непосредственно к трапу самолета. Вскоре диссиденты и их сопровождающие разместились в салоне самолета.

Перед отлетом на борт поднялись американские дипломаты. Они хотели установить личности диссидентов, интересовались самочувствием убывающих, нет ли у них жалоб на непропорциональные действия администрации. Жалоб не было.

Наконец лайнер вырывается на взлетно-посадочную полосу. Начинается длительный полет. Первый полет группы «Альфа» за океан. Времени было много, и поэтому вольно или невольно между «альфовцами» и их подопечными завязался разговор. Диссиденты усиленно интересовались, кто их сопровождающие. Они были уверены, что это сотрудники КГБ. Бойцы группы придерживались легенды, что являются сотрудниками служб, отвечающих за безопасность полетов. Кажется, диссиденты поверили.

Под опекой Зайцева и Гришина находился известный в ту пору диссидент Дымшиц. Это он вместе с Кузнецовым намеревался любыми способами попасть в Израиль. Сколотив группу сообщников, они решили захватить самолет, выполнявший рейсы по маршруту Ленинград – Приозерск, и угнать его в Швецию или в Финляндию.

Угон решили осуществить 15 июня 1970 года. Беглецы изображали веселую свадьбу. Однако финт не удался. Лже-жениха, невесту и гостей арестовали прямо на аэродроме. Позже Кузнецов будет сетовать на то, что в их рядах оказался «стукач» и их «взяли тепленькими».

Это был уже не первый арест Кузнецова. В 1961 году за подготовку покушения на Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущева ему дали семь лет. Со снайпером Валерием Ремниковым они решили убить советского руководителя. Однако КГБ удалось раскрыть этот заговор.

В декабре 1970 года в Ленинграде состоялся процесс над участниками коллективного сговора по захвату и угону самолета. Руководители банды – Кузнецов и Дымшиц получили высшую меру наказания. Их приговорили к расстрелу. Остальные члены преступной группы были приговорены к разным срокам заключения.

Однако вскоре Верховный суд СССР изменил приговор Дымшицу и Кузнецову. Теперь им предстояло в лагере особого режима провести по 15 лет.

Марк Дымшиц, пожалуй, был единственным, кто вел активную беседу с сопровождающими. Кузнецов решил сыграть в шахматы с одним из сотрудников. И проиграл. Остальные диссиденты находились не в лучшем расположении духа, были молчаливы и подавлены.

После того как самолет совершил посадку на взлетном поле аэродрома, его переместили подальше от пассажирского терминала. Затормозил он у какого-то ангара. Лайнер окружили большим количеством полицейских машин. Сопровождающие лица не имели права выходить за пределы аэропорта. Таково было требование американской стороны.

На борт поднялась группа американцев во главе с руководителем иммиграционной службы. Они побеседовали с диссидентами, рассказали им об условиях будущего пребывания в стране.

А потом начались сюрпризы. Неожиданно американцы объявили, что у них имеется лишь один трап для «Ил-62». И, разумеется, предложили свой вариант обмена: сначала по трапу спускаются диссиденты, и только потом поднимаются наши разведчики с женами. И это при том, что в операции по обмену принимало участие около трехсот сотрудников спецслужб США. Они окружили самолет и полностью контролировали трап. Сотрудник «Альфы» В. Виноградов, наблюдая за цэрэушниками, которые суежились вниз, в одном из них узнал бывшего первого секретаря посольства США в Москве Хэрвица.

Что ж, американцы не были бы американцами, если бы они не устроили очередную провокацию.

Переговоры шли достаточно долго. Советские представители требовали подать два трапа – один подогнать к эконом-классу, другой – к первому. По одному из них спускается диссидент, а по другому – поднимаются, также по одному, Энгер, Черняев, их жены.

Американцы не соглашались, горячо доказывали, убеждали, что второго трапа нет. Но наши твердо стояли на своем. Наконец они поняли: русские не уступят и обмануть их не удастся. И тут же самым чудесным образом нашелся второй трап, которого прежде в природе не существовало. Начался обмен.

И вот уже советские разведчики на борту, казалось бы, все спорные вопросы улажены и можно взлетать. Но не тут-то было. Американцы попытались еще раз высадить «гостей» из самолета. На сей раз свои требования выставил чернокожий уборщик. Он заявил, что к уборке лайнера он приступит после того, как все покинут борт.

Представитель «Аэрофлота» всячески пытался доказать, что нужно производить уборку в присутствии тех, кто уже находится в салоне. Вся эта ситуация долго обсуждалась с аэродромным начальством. Прошел час, второй, третий... Никакого решения принято не было. Стало ясно, что это вторая часть спектакля, поставленного спецслужбами. Терпение «альфовцев» лопнуло, и черного уборщика быстро «уговорили» выполнить свои прямые обязанности. Вскоре после этого пассажиры, летевшие из Нью-Йорка в Москву, стали занимать свои места.

В заключение этой главы хотелось бы привести слова командира группы «А» **Геннадия Николаевич Зайцева**:

«Когда американцы обменивали наших ребят на отпущенных угонщиков советского авиалайнера, то дежуривший в аэропорту Кеннеди сотрудник ФБР сказал удивившую меня фразу: «Кого мы отдаем – таких ребят меняем на подонков!» Так прямо и сказал».

Остров зари багровой

28 июля 1978 года. Гавана. Одиннадцать артиллерийских залпов возвестили об открытии XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С перекрестка главных улиц Гаваны делегаты направились на стадион. Там состоялось торжественное открытие фестиваля.

В самый торжественный момент зазвучали фанфары, и на дорожку стадиона выехали одиннадцать всадников в форме бойцов армии освобождения Кубы XIX века. В руках у них флаги стран, которые принимали у себя всемирные форумы молодежи. Тысячи юношей и девушек на трибуне стадиона сложили из цветных флажков прекрасные слова: «Бьенвенидос!» – «Добро пожаловать!».

18,5 тысячи юношей и девушек из 145 стран прибыли на этот фестиваль. Гигантская манифестация продемонстрировала возросшее влияние молодежи на события, происходящие в мире. Эта встреча послужила укреплению сплоченности, дружбы юного поколения разных стран и народов.

Однако не всем нравилось такое единение. Тем более что фестиваль проходил на Кубе и под лозунгом: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Позже президент Всемирной федерации демократической молодежи Николас Пападимитриу скажет: «У фестиваля нашлось много недоброжелателей».

О том, что такие недоброжелатели, да что там недоброжелатели – враги, существуют и действуют, прекрасно знали кубинские руководители. Об этом свидетельствовали террористические акты против представительств острова Свободы, организованные боевиками группировки «Кубинское национальное движение». За два года до открытия фестиваля террористы пытались взорвать советский корабль в порту Нью-Йорка. Трагедии удалось избежать чудом. Вот и теперь кубинским спецслужбам поступила оперативная информация о том, что в период проведения Всемирного фестиваля против советских судов «Александр Пушкин», «Лермонтов», «Леонид Собинов», «Нахимов», «Грузия» и «Балтика» готовятся террористические акты. А ведь на этих лайнерах предстояло разместиться делегатам форума из разных стран. Кубинскому руководству было о чем беспокоиться. И тогда оно обратилось за помощью в Москву. Нужно было практическое содействие в деле обеспечения безопасности подводной части судов. Разумеется, обращение это было направлено в СССР задолго до начала фестиваля.

Работу на Кубе поручили подразделению «А». Было принято решение командировать в Гавану группу ее сотрудников. Однако прежде чем направиться за океан, бойцы Валерий Емышев, Вячеслав Панкин и Александр Плюснин выехали на стажировку в бригаду особого назначения Черноморского флота в городе Очаков.

В ходе тренировок стало ясно, что трем офицерам-«альфовцам» обеспечить безопасность подводной части двух больших теплоходов, на которых предстояло жить советским делегатам, было не под силу. Их «укрепили» боевыми пловцами-черноморцами под руководством старшего лейтенанта Валерия Карагузова. Отобрали лучших флотских старшин и матросов.

За две недели до начала фестиваля на Кубу вылетели руководитель «Альфы» подполковник Геннадий Зайцев и командир боевых пловцов Валерий Карагузов.

В Гаване их встретили весьма радушно, поселили на большой вилле. Здесь круглосуточно находились переводчик, водитель автомобиля, сестра-хозяйка и горничная. Их хорошо кормили и поили. Карагузову как флотскому офицеру разве что не хватало борща, а Зайцеву не нравился «ядерный» кубинский кофе.

Пребывание двух советских специалистов курировало Спецуправление МВД. Командование и офицеры управления были открыты для совместного сотрудничества. Об этом говорил тот факт, что Зайцев и Карагузов были приглашены на секретную базу. Она была оборудована, как говорят, «по последнему слову техники». И кубинские спецназовцы имели возможность

проводить здесь учения любой сложности. Оказывается, за деятельностью спецуправления следил лично Фидель Кастро. Он часто бывал на базе, интересовался нуждами спецназовцев. И бойцы очень гордились таким высоким доверием руководителя государства.

Теперь важно было согласовать работу советских и кубинских боевых пловцов. Дело в том, что в акваторию направлялось шесть теплоходов. На двух из них – «Грузии» и «Леониде Собинове» – предстояло разместиться советской делегации, на остальных должны были остановиться представители молодежных организаций других стран.

В ходе проработки совместного плана созрело решение: безопасность подводной части двух первых судов обеспечивают советские пловцы, остальные корабли берут на себя кубинские спецназовцы.

Теплоход «Грузия» кубинцы попросили встретить в море. Для этого подполковнику Зайцеву и старшему лейтенанту Карагусову выделили личный катер Фиделя Кастро. Ждать подхода судна пришлось долго. Когда они, наконец, дождались прихода корабля и поднялись на борт, их встретил известный в нашей стране капитан Анатолий Гарагуля.

«Об этом обаятельном капитане стоит рассказать особо, – напишет в своих воспоминаниях Геннадий Николаевич. – Он обладал обширными связями и, как радушный хозяин, часто принимал на борту своего судна многих известных людей... Среди его друзей был и Владимир Высоцкий. В 1969 году после плавания на теплоходах «Грузия» и «Аджария» он посвятил Гарагуле свою песню «Человек за бортом».

Так вот в ней есть слова: «Мне самый лучший в мире капитан опустит трап, и я сойду на берег».

«Этот самый лучший в мире капитан», сам того не желая, солидно добавит работы нашим боевым пловцам. Дело в том, что Гарагуля дружил не только с Высоцким, но и со вторым человеком на Кубе – Раулем Кастро. И тот часто приезжал проводить друга. Естественно, пока Кастро гостил на теплоходе, спецназовцам приходилось действовать под водой, обеспечивая безопасность.

По мере того как теплоходы прибывали на фестиваль, боевые пловцы встречали их на рейде, осматривали днище, проверяли, не установлены ли там взрывные устройства. И только после этого корабли заходили в порт.

С открытием форума работы прибавилось. Четыре раза в сутки пловцы уходили под воду на боевое дежурство. На улицах Гаваны гремел фестиваль: звучали фанфары, проходили праздничные шествия, тысячи молодых голосов пели «Гимн демократической молодежи». Разворачивались спортивные соревнования, политические семинары и дискуссии, концерты. Но ничего этого не видели, да и не могли видеть спецназовцы. Они узнавали об этих мероприятиях только в конце дня и по-доброму завидовали участникам фестиваля.

Работа в порту Гаваны проходила в крайне тяжелых условиях. Практически каждый день на город обрушивался тропический ливень, бурные реки мутной воды неслись по улицам столицы и выбрасывали в море грязь и мусор. Видимость в воде была почти нулевая. От длительного пребывания в грязной воде у некоторых пловцов воспалились уши, развился отит. Однако, несмотря на столь сложную обстановку, «альфовцы» и флотские боевые пловцы продолжали действовать, оберегая безопасность гостей форума.

5 августа Фидель Кастро закрыл XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Праздновали победу и боевые пловцы. Кубинцы устроили им прощальный ужин, поблагодарили и вручили подарки.

По возвращении домой «альфовцы» были поощрены в приказе председателя КГБ. Ю. Андропов не забыл и моряков-черноморцев. От его имени боевым пловцам были вручены ценные подарки.

Кубинская командировка заставила задуматься о создании в подразделении группы боевых пловцов. На тот случай, если придется действовать против террористов, захвативших мор-

ские суда. А вскоре на стажировку на флот отправились очередные офицеры группы «А». Как показала жизнь, решение было правильное и своевременное. Через два года «Альфе» будет поставлена ответственная задача по обеспечению безопасности олимпийской регаты в городе Таллинне. Однако рассказ об этом впереди.

«Ставь жизнь свою на кон...»

Наступил 1979 год. Никто еще не знал и не ведал, что станет он годом боевого крещения группы. Годом первых горьких потерь.

Но пока все были живы и страшный декабрь, казалось, так далек. Однако до декабря, до Афганистана, судьба преподнесет бойцам группы еще один «подарок», устроит своего рода проверку.

В марте некто Власенко проникнет в американское посольство, выдвинет требования. Операция по его обезвреживанию пройдет, на первый взгляд, успешно. Террорист подорвет себя сам, других жертв нет, немножко пострадает одна из комнат посольства. Руководство отметит отличившихся офицеров – Геннадия Зайцева, Роберта Ивона и Сергея Голова. Зайцев и Голова наградят месячным окладом, Ивон – ценным подарком.

Уже на третий день после проведения боевой операции в группе «А» будет зачитан приказ № 0179 председателя Комитета государственной безопасности. Во многом этот приказ станет переломным в судьбе группы антитеррора...

Из служебного отчета группы «А»:

«28 марта 1979 года в 14.30 неизвестный гражданин в сопровождении второго секретаря посольства США Р. Прингла пришел в консульский отдел посольства Соединенных Штатов Америки. Через 35 минут стало известно, что проникший в посольство гражданин требует у американцев разрешения на выезд в США, в случае отказа угрожает взорвать находящиеся у него 2 килограмма тола.

После переговоров с неизвестным официальные представители посольства высказали просьбу сотрудникам охраны диппредставительств, чтобы они с имеющегося согласия посла Туна любым способом убрали гражданина из посольства. В 15.35 к зданию прибыли 5 сотрудников спецподразделения 7-го управления КГБ.

После получения разрешения на допуск начальник спецподразделения Зайцев Г. Н. в 16.45 прошел в посольство и, представившись работником МИД СССР, приступил к переговорам с неизвестным.

Преступник сразу предупредил, чтобы к нему не приближались ближе 1 метра.

В беседе он назвал себя Власенко Юрием Михайловичем, 1951 года рождения, уроженцем г. Орджоникидзе, без определенных занятий и места жительства. Он заявил, что намерен выехать в любую капиталистическую страну, а посольство покинет при условии, если американцы вывезут его дипломатической машиной в аэропорт и посадят в самолет. После этого он обещал сдать взрывное устройство».

Это был первый настоящий террорист. Первый для группы антитеррора и ее командира подполковника Геннадия Зайцева со дня создания подразделения. Власенко не просто грозил или выкрикивал свои требования, забаррикадовавшись, как иностранные студенты, недовольные бытовыми условиями. Тех можно было просто взвалить на плечо и вынести из помещения, этого – не взвалишь, не вынесешь. На поясе у него взрывчатка, палец в кольцо и вполне реальные требования выезда за границу.

Первым на встречу с террористом пошел командир – подполковник Геннадий Зайцев.

– Ты кто? – спросил террорист.

Зайцев ответил первое, что пришло в голову:

– Второй секретарь консульского отдела МИДа.

– Тогда покажи документы...

Геннадий Николаевич сказал, мол, документов нет. Сослался на то, что оставил их на входе в американское посольство. Странно, но террорист поверил. Потом заставил Зайцева снять пиджак, вывернуть все карманы.

Убедившись, что у «дипломата» оружия нет, несколько успокоился, но предупредил его, чтобы близко не подходил, Зайцев понял – этот не шутит.

Почти два часа провел командир группы один на один с террористом. Потом, случится, он по 10–15 часов будет вести переговоры с более изощренными, хитрыми, матерыми террористами, но тот первый запомнится на всю жизнь.

«Беседовали мы через стол, – рассказывал Геннадий Николаевич, – сидя друг против друга. Разговор был очень сложный, тяжелый. Но смысл любых переговоров сводится к одному: постараться убедить преступника отказаться от его намерений, а если не получится, то по крайней мере снизить его агрессивность. Если и это не удастся сделать, то хотя бы выиграть время, чтобы затем решить проблему другим путем.

В конце концов мне удалось установить с террористом контакт...»

В ходе этого контакта и удалось установить первые данные о террористе, ведь о Власенко практически ничего не было известно, тогда же Зайцев сделает свое заключение – этот человек психически болен. В последующем «диагноз» Зайцева подтвердится.

Встречались с террористом и сотрудники группы «А». Слушали даже стихи в его исполнении.

...Террорист читал стихи. Левая рука его лежала на поясе, палец продет в кольцо взрывного устройства. Сотрудник группы «А» Михаил Картофельников видел, как побелел сустав, придавленный металлом, но преступник словно забыл о руке. Он самозабвенно, прикрыв припухшие веки, читал:

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак – и мудрых убивали,
Ныне свет, а меньше ль плачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо... но от рабов Христовых
За порыв создать из них людей!

В иной обстановке могло показаться, что на лестничной клетке собралось пятеро друзей. Обступили одного, а тот, увлеченный поэзией, радуется их прекрасными стихами. Увы, события были далеки от поэтической идиллии.

Любитель стихов – Юрий Власенко пришел в посольство США не на вечер изящной словесности. Угрожая самодельным взрывным устройством, он требовал самолет и крупную сумму денег. Хотел, чтобы его вывезли на посольском автобусе в аэропорт, где должен был ожидать готовый к отлету авиалайнер.

Власенко запрещал к себе приближаться, лишь вновь и вновь повторял свое требование.

Попытка выкурить его из посольства с помощью шашек со слезоточивым газом тоже оказалось неудачной. То ли газ на него не действовал, то ли перепутали расположение комнат на этаже и швыряли не в то окно. В общем, сами наплакались вдоволь, а Власенко хоть бы что.

Решили пойти еще раз на переговоры. Долго прикидывали, что да как, спорили. Как всегда в таких случаях, было много начальников, различных команд, советов. Но советы – советами, а дело на контроле у председателя Комитета. Председатель торопил – надо было принимать решение.

У окна кабинета, где находился террорист, бесменно дежурили снайперы. Они надежно перекрыли, по существу, единственный путь отхода террориста.

...Вместе с Ивоном пошли Филимонов, Шестаков и Картофельников.

Вчетвером они поднялись на нужный этаж.

– Эй, мужик! – играя под простачка, крикнул в открытую дверь Ивон. – Иди, поговорим...

– А ты кто такой? – На пороге стоял Власенко. Рубашка, свитер, поверх свитера широкий самодельный пояс, в нем тротил: 2 килограмма. Запас взрывчатки немалый, не дай бог рванет – все они в одно мгновение покойники.

Рука террориста на кольце. За всю их длинную беседу он ни на мгновение не снял руки с кольца.

– Вы откуда? – спросил Власенко.

– Да мы военные. Наша часть здесь, по соседству, – ответил за всех Ивон.

– Звание у вас какое?

– Звание? – удивленно переспросил заместитель начальника группы. – Старшина я, а ребята...

Двое представились сержантами, Картофельников – рядовым.

Власенко усмехнулся:

– Что ж с вами говорить, хлопцы. Вы же ничего не решаете...

В эту тревожную минуту, может быть, впервые в жизни молодые бойцы группы «А» почувствовали свой непрофессионализм. Что же делать? Переговоры командира подполковника Зайцева не увенчались успехом. Да и они вчетвером второй час уговаривают террориста. А он не «уговаривается», лишь крепче сжимает кольцо взрывного устройства. Теперь вот бухнули, что они сержанты.

И вправду, стоит ли тратить время на старшину и сержантов? Вот так пассаж. Повернется сейчас и уйдет – и весь разговор. Однако Власенко не уходил. То ли вполне миролюбивый простецкий вид армейских «сверхсрочников» подкупил его, то ли нервы сдавали – поговорить захотелось, но он обратился к стоящей четверке:

– А я думал, «митьки» набежали.

– Кто-кто? – переспросил Филимонов.

– Да «митьки», говорю, – милиция.

Он опустил голову, оглядел пояс, палец на кольцо, потом медленно, словно прошупывая, прошелся по ногам, добрался до лиц стоящих перед ним людей.

– Если у меня тут ничего не получится, пойду и взорву «митьков».

– Да что ты, Юра, – сказал кто-то из группы.

Власенко помолчал, глядя в лицо возразившего, а потом спросил:

– Тебя били когда-нибудь в милиции?

– Нет...

– А меня били. Ногами. Как мяч футбольный, катали.

Установилась тишина. Ивон и его подчиненные понимали: их жизнь, безопасность посольства в руках этого человека. Надо было раскатать парня, может, удастся уговорить сдать свою «игрушку».

Посочувствовали. Вместе поругали «митьков». Стали уговаривать, мол, брось ты это дело, Юра. Пойдем, сядем как люди, выпьем, поговорим. Спросили: тебе чего надо-то?

Загорелись глаза у Власенко, но пойти с ними отказался.

Картофельников смотрел в сияющие глаза Власенко и думал: да, этот человек – преступник, один неверный шаг – и он утащит в преисподнюю десятки людей. Но не родился же он таким. Неужто только теперь пришло время выслушать этого парня, когда ни у него, ни у них, по существу, нет выбора. Кто они – те люди, которые били его ногами, поправ закон и мораль,

кто они, не принявшие его в институт? Может, все обстояло и не совсем так, как он рассказывает, но почему же на его пути не нашелся человек, который понял бы, выслушал, помог? И не нужен был бы тротил.

И снова, неожиданно для всех, Власенко стал читать стихи. Хорошие были стихи. Картофельников и сам когда-то в институте увлекался Шиллером. Но никогда не думал, что услышит стихи здесь, в американском посольстве, на лестнице, пребывая чуть ли не в роли заложника.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуту.
Веселье и молодость брагой кипят:
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон к игре боевой,
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш – твой!

А с нижнего этажа знаками показывали: мол, время, время...

Власенко на уговоры не поддавался: правда, расчувствовался настолько, что даже предложил выпить. В комнате у него стояла початая бутылка коньяка – то ль американцы поднесли, то ли осталась от хозяев кабинета.

Ивон с ребятами отказался, и Власенко выбросил бутылку в окно. На улице это не осталось незамеченным. Поступила команда: когда Ивон с ребятами оторвутся, ранить Власенко.

Но оторваться не так просто. Теперь уже по всему было видно: террорист сам не сдастся. Однако стихи и душевная беседа, видимо, несколько успокоили Власенко.

– Ладно, – сказал он, – вы мне понравились, ребята. Я не буду вас взрывать.

Как говорят, и на том спасибо. Сотрудники группы «А» едва успели сбежать вниз, как прозвучали выстрелы, а за ним взрыв.

Раненый террорист выдернул чеку. Сработала часть заряда. И все-таки взрыв был сильным, вынесло оконную раму и металлическую решетку в окне.

Когда сотрудники во главе с Ивоном вновь вбежали в кабинет, Власенко без чувств лежал на полу. Рядом горел диван. Они пытались сбить пламя. В руках Картофельникова оказался огнетушитель.

Михаил ожидал увидеть мощную струю пены, но огнетушитель лишь зашипел и на издыхании выплеснул пар. «Вот так Америка, – удивился он тогда, – совсем как у нас».

Впрочем, через несколько минут все было кончено. Власенко отправлен в больницу на «Скорой помощи». По дороге он скончался.

На следующий день Михаил Картофельников прочитал заметку в «Известиях». Известный автор Н. Волгин писал: «Кто же этот человек, поначалу столь любезно принятый в американском посольстве? Это некий Власенко Ю. М., не имеющий уже в течение длительного времени никаких определенных занятий».

И вот с такими людьми якшаются представители американского посольства, неразборчивые и, прямо скажем, безответственные в своих связях».

Михаил вспомнил стихи Шиллера на гулкой лестничной клетке. Глаза террориста. Побелевший палец на кольце взрывного устройства.

В приказе по итогам проведенной спецоперации председатель КГБ Юрий Андропов написал:

«Разъяснить сотрудникам группы «А» важное значение их службы, особенно в связи с приближающейся московской Олимпиадой, когда возможно возникновение всякого рода опасных случаев, требующих решительной, быстрой и надежной их ликвидации».

Личный состав группы «А» должен понимать, что ему придется сталкиваться с особо опасным противником, что требует не только смелости и отваги, но и военной хитрости,

решительности в действиях, готовности принимать самостоятельные решения, исходя из складывающейся обстановки на месте».

Будущее показало, сколь прав был Андропов...

«Русским Афганистан не отдадим...»

Конец 70-х годов характеризовался осложнением обстановки на наших южных границах, и в первую очередь с традиционным нашим соседом Афганистаном.

Но о каком, собственно, осложнении идет речь? Казалось бы, об афганской войне написано множество книг, приняты политические решения, введение войск признано ошибочным.

Все так. Однако в порыве отрицания мы зачастую пытаемся отринуть объективную реальность, закрыть глаза на сложившуюся предвоенную обстановку.

Послушаем же профессионалов. Слово бывшему начальнику Управления нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майору **Юрию Дроздову**.

«Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательное наблюдение за этой проблемой еще в 1978–1979 годах указывало на обострение тревоги руководства СССР за положение на самых южных границах.

Изменения, которые произошли в политической жизни Афганистана в 1978 году, серьезно обеспокоили противников СССР, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки. Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому режиму и будут вести работу по ослаблению советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии.

Как бы я хотел, чтобы приведенное выше было только отражением неосторожных высказываний американских разведчиков в беседах с агентами, но все свершившееся потом было практическим осуществлением этих замыслов».

Думается, что генерал Дроздов глубоко прав.

Таджикистан, а точнее, Горный Бадахшан, – уникальная кладовая мира. Еще в 50–60-е годы советские ученые провели изыскания и сделали вывод: здесь огромные запасы урановой руды. Чего практически нет в нынешней России. Ведь уже давно не является секретом тот факт, что на территории нашей страны ныне осталось одно-единственное месторождение урана. Более того, Таджикистан несказанно богат другими ископаемыми. Тут вся таблица Менделеева, да еще высшего качества.

Вот почему Россию всеми силами пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат наладить новый «шелковый» путь из «кладовой мира».

А ведь неплохо бы напомнить кое-кому, что еще столетие назад население Горного Бадахшана добровольно присоединилось к России.

Так вот, все, что творится в Таджикистане, начиналось в конце 70-х в, казалось бы, далеком Афганистане.

Неправда, якобы Брежнев, Андропов, Устинов, которым приписывают ныне единоличное решение о вводе войск, не пытались разрубить «афганский» узел мирным путем. Нынешние реалии показывают: увы, не все проблемы можно решить за столом переговоров. Так случилось в 1979 году.

Мне рассказывал тот же генерал Дроздов, что 31 декабря, после его доклада Андропову о ходе операции в Кабуле, Юрий Владимирович признался: пытались разрешить эту проблему по-другому, не вышло.

С оперативной и тактической точек зрения переворот в афганской столице 27 декабря прошел успешно. Утром следующего дня афганский народ имел уже другого президента.

Однако всякая операция, в особенности такая, без должной тщательной подготовки невозможна. И поэтому готовить ее начали еще летом – осенью 1979 года. Нет, это не значит, что уже в июле КГБ была поставлена конкретная задача – совершить переворот в Кабуле. Думаю, такое решение «кремлевским старцам» пришло значительно позже. Но там, где осложняется обстановка, всегда активизируется разведка. А обстановка осложнялась непосредственно на наших южных границах, и поэтому повышенный интерес Комитета госбезопасности вполне объясним.

Летом 1979 года в Афганистан выехала первая группа сотрудников, объединенная в единое подразделение под кодовым названием «Зенит».

Во главе группы стоял руководитель курсов усовершенствования офицерского состава полковник КГБ Бояринов. Григорий Иванович неспроста был назначен командовать первым «Зенитом». Он опытный разведчик-диверсант, фронтовик, а в подразделении его ученики, воспитанники.

Первый «Зенит»

Первый «Зенит» прилетел в Кабул 5 июля. Переехали в наше посольство, расположились в школе. Лето, учеников нет. Поставили раскладушки. Матрацы еще нашлись, а подушек не было; сворачивали белье, запихивали его в целлофановый пакет, оборачивали полотенцем – вот и подушка готова.

Ели свое, сухпак. Бояринов приказал экономить, ибо никто не знал, сколько тут жить-служить. Утром чаек да банка каши на троих, в обед супчик из концентрата, баночка консервов, галеты. Словом, на таком довольствии дошли, что называется, до ручки. О еде, деньгах старались не думать, главное – выполнить поставленные задачи. А их было немало, да и задачи весьма не простые: охрана посольства, обучение местных молодых контрразведчиков, а главное – разведка города, государственных и правительственных зданий, объектов спецслужб, армейских штабов и казарм, подходов и подъездов к ним, систем охраны. Отрабатывались также маршруты на случай эвакуации наших дипломатов.

Так что «зенитовцам» пришлось изъездить и протопать Кабул вдоль и поперек.

А тем временем напряженность в столице нарастала. По ночам то и дело вспыхивала стрельба. Враждовали «халькисты» и «парчимисты». Амин рвался к власти.

Вот как о тех днях вспоминает боец «Зенита» **Валерий Курилов**:

– Между Амином и Тараки вражда. Советский посол и представитель КГБ ездят каждый день, мирят их. Утром помиряют, вечером опять ссора.

Однажды наши ребята, находившиеся в охране посла, приехали, пистолеты разряжены, руки дрожат. Говорят, сейчас друг друга чуть не перестреляли.

В очередной раз собрались Амин, Тараки и наш посол. Вся охрана находилась внизу. Вдруг внутри выстрелы, выбегает окровавленный человек, падает. Им оказался Тарун.

Охрана Тараки, Амина и наши выхватили пистолеты, друг на друга наставили. Никто ничего не понимает. Стрелять не решаются. Да и как стрелять: кто знает, что там произошло.

Выбежал Амин, сел в машину, умчался. Потом были пышные похороны. В газетах заголовки: «Подлые враги убили верного сына афганского народа Таруна».

После того как Амин уничтожил Тараки, начались покушения на министров, сторонников убитого президента. В одного стреляли через дверь, другого хотели убить через окно.

Вообще мы участвовали в спасении трех министров – Сарвари, Гулябзоя и Ватанджа. Скрытно вывезли их с места жительства в посольство, переодели в форму «песчанку». Потом доставили на одну из наших вилл. Там я и сошелся близко с Сарвари. Можно сказать, сдружился.

Они жили в закрытых помещениях, без окон. Погулять выходили только ночью. Всякий раз приходилось их сопровождать. Сарвари все обещал: «Ребята, вы нам помогите, потом я устройю прекрасную жизнь. Приедете с семьями на отдых, каждому машину подарю».

Наконец прилетел самолет из Союза, привезли деревянные ящики. Мы положили туда матрацы, просверлили дырки. Залезли в них министры. Ящики поставили в кузов машины, забросали коробками.

За рулем наш парень. В кузове человек пять вооруженных «зенитовцев». За машиной еще шел автобус, тоже с нашими людьми.

А до Баграма ни много ни мало – 70 верст. Аминовская «наружка» обложила нас сразу после выезда из посольства. На выезде из Кабула КПП. Стоп! «Что у вас в кузове, выходите, будем проверять». Офицер-афганец настаивает, у него приказ. Мы отказываемся, вы не имеете права, машины посольства.

Грузовик плотно обтянут тентом. Вот лейтенант-афганец встает на борт и заглядывает под тент. А Долматов Александр Иванович, наш инструктор по рукопашному бою, башмак ему на руку и автомат в нос.

Лейтенант перетрухнул, руку дерг-дерг. Долматов держит. А снаружи-то ничего не видно. В общем, выдернул ладонь, прыгнул, глядь, а в автобусе тоже напряженные физиономии. Замахал, закричал: открывай, открывай, пусть едут...»

Командир экипажа самолета говорит: «Теперь все будет нормально, главное, чтоб истребители не подняли». Истребители, на счастье, не появились.

Открыли ящики. Сарвари выскочил оттуда покрасневший, яростный. Бросился к иллюминатору: «Зачем вы нас увозите? Я подниму свой народ. Сметем тирана».

«Зенитовцы» лишь улыбались, успокаивали. Они хорошо изучили афганцев, и показная ярость бывшего министра их нисколько не удивила.

Кончилось все миром. Афганцев угостили. Они выпили по рюмочке, поели. Успокоились. Им постелили, и те мирно проспали весь путь от Баграма до Ташкента.

В Ташкенте бойцы «Зенита» передали министров в целости и сохранности местным комитетчикам и вылетели в Москву.

Шел сентябрь 1979 года. До штурма дворца Амина оставалось три месяца...

Просьба афганской стороны

В декабре 1979 года «Правда» опубликовала «Обращение правительства Афганистана»: *«Правительство ДРА, принимая во внимание расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана, и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, о которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.*

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

...Теперь нам кажется, что об афганской войне мы знаем все или почти все. Да, афганская война – это наша биография. Биография страны. И какая бы она ни была – героическая, кровавая, – такой теперь останется навсегда.

Война более многозначна, чем мир. Для одних – это подвиг, мужество, героизм, для других – позор, кровь, смерти тысяч ни в чем не повинных людей.

Будем же правдивы перед собой и историей, не станем смешивать святое и грешное, низменное и высокое. Всего хватало на этой войне, как, впрочем, и на десятках других.

Люди боятся войны, проклинаят ее и вновь воюют. Самое таинственное во всем этом – начало.

Как начинаются войны?

Нас отделяет семьдесят семь лет от 22 июня 1941 года, но мы до сих пор исследуем причины ее возникновения, препарируем события, ищем ответ на вечный вопрос: кто и как?

Как же начиналась афганская война? Кто ее начинал?

Сегодня это уже доподлинно известно: десантники генерала Ивана Рябченко, «мусульманский батальон» и две таинственные группы Комитета госбезопасности под кодовым названием «Зенит» и «Гром».

О «мусульманском батальоне» сказано достаточно, о десанниках написал книгу сам Рябченко, а вот о группах «Зенит» и «Гром» много лет не было известно почти ничего, за исключением разве что фамилий первых героев да нелепых, вздорных и зачастую грязных выдумок об их действиях на афганской земле.

Марк Урбан, автор книги «Война в Афганистане», на которую так часто ссылались в нашей печати, утверждает: *«27 декабря... к вечеру, парашютисты двинулись к центру Кабула. В 19.15 местного времени они вошли в министерство внутренних дел и разоружили его сотрудников. Другая группа... достигла дворца Дар-уль-аман».*

Если бы так просто – пришли и разоружили. Нет, никто не складывал оружия. Министерство было взято штурмом.

Дворец тоже был захвачен с боем. Кем? Группами «Гром» и «Зенит».

«Гром» – это и есть, по существу, группа «А», «Зенит» состоял из сотрудников региональных управлений КГБ, прошедших диверсионную подготовку.

«Поверь мне, старику...»

В «УАЗ» начальника кафедры Высшей школы КГБ полковника Григория Бояринова набился добрый десяток преподавателей. Переезжали с одной учебной точки на другую. Пешком шагать не хотелось, ночь, темнота, лес, под ногами сыро. Потому и решили – лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Гриша, как звали между собой начальника кафедры преподаватели, сидел впереди, на месте старшего машины. Ехали долго. «УАЗ» петлял в темноте лесными дорогами, выхватывая лучом фар то белые стволы берез у обочины, то глухую черноту чащобы, то кустарник прямо на пути. Офицеры уже поглядывали на часы: по времени должны были бы приехать.

– Заблудился Гриша, – шепнул чуть слышно кто-то из молодых преподавателей, – во хохма будет...

– А ты сам на его место сядь, хохмач! – вступился за Бояринова другой.

И опять ночь, размытая дождями, едва приметная дорога.

Бояринов, до этого, казалось, дремавший, встряхнулся, наклонился к водителю:

– Потихоньку, Вася. Сейчас будет маленький поворот, ты прижмись к левой стороне и тормози на минутку.

– Что, Григорий Иванович, – пошутили в машине, – мину заложили?

Полковник не ответил. «УАЗ» притормозил, остановился. Бояринов открыл дверцу, взгляделся в темноту, удовлетворенно вздохнул:

– Тут, моя птичка, тут, родимая, на гнезде сидит. Уже яйца отложила. – И кивнул шоферу: – Трогай потихоньку, только не газуй. Спугнем.

Автомобиль качнулся и почти бесшумно пополз вперед. В салоне притихли. Вот так Гриша!

За поворотом выехали на знакомую опушку.

– Все, ребята, выгружайся, – сказал Бояринов, – третья учебная точка. Как заказывали... А ты, Анатолий Алексеевич, посиди пока, – обратился он к преподавателю кафедры Набокову, – дело есть.

Набоков смотрел, как, удивленно озираясь на Бояринова, вылезают из «УАЗа» молодые преподаватели. Они считали, что Гриша заблудился. Невежды. Он не мог заблудиться. Гриша – бог в ориентировании, видит, будто сова, в темноте. Лес, как книгу, наизусть читает.

Откуда это у него? С войны. Партизанил, воевал, командовал школой снайперов, готовил диверсионные группы для заброски в тыл, сам не раз летал за линию фронта.

– Толя! – Бояринов повернулся к Набокову. – Мы возвращаемся в Москву.

– То есть как – в Москву? А учения, Григорий Иванович?

– Учения закончатся без нас.

– Что-нибудь случилось?

– Как тебе сказать. – Бояринов замолчал, потер тыльной стороной ладони отросшую щетину. – Хотелось бы верить, что ничего серьезного не произошло. В общем, надо нам переделать учебную программу.

– Увеличить курс?

– Нет, сократить. Нынешний набор мы выпускаем не в августе, а в июне.

– А дальше?

– Спецзадание. Афганистан.

– Афганистан? – удивился Набоков. Столь неожиданно прозвучало имя далекой страны, что он с трудом попытался вспомнить ее очертания на карте.

– Завтра жду твоих предложений по программе.

...Вернувшись в Москву, они засели за перекройку учебного курса. Пересчитали, перекопали, отвели побольше часов на боевые темы, такие как разведка в заданном районе, в городе, организация засады, налета. В общем, готовились учить слушателей тому, что надо на войне.

Пролетели недели подготовки, и поступила команда: отобрать людей для «Зенита». Такое условное наименование получило подразделение.

Приехал генерал, он был немногословен. Повторил то, что уже знал каждый, и в заключение разговора спросил, кто не готов к выполнению спецзадания. Зал не шелохнулся.

– Значит, все готовы! – подвел итог представитель руководства КГБ.

Однако у Бояринова и его кафедры было свое мнение. Сформировав мандатную комиссию и рассмотрев каждого слушателя, взвесив все «за» и «против», они отвели десять кандидатур.

Тогда впервые в своей жизни Набоков увидел, как плачет мужчина, офицер, сотрудник КГБ. Его отвели, потому что посчитали психологически не готовым к возможным боевым нагрузкам.

Все десятеро атаковали кабинет Бояринова с раннего утра, просили, умоляли, доказывали, но начальник кафедры был непреклонен. За некоторых пытались просить преподаватели, восприняв неприступность Григория Ивановича как излишнюю строгость или даже упрямство.

Пройдут считанные месяцы, и жизнь преподаст жестокий урок, подтвердив правоту Бояринова.

Случилось так, что первый состав «Зенита» закончил командировку в сентябре. Началась постепенная замена. Однако людей не хватало, и решили пренебречь выводами бояриновской комиссии. Рассудили так: мол, чего просеивать, отбирать – все офицеры КГБ, не один раз проверены в деле. И на второй заход в состав группы были включены сотрудники, отведенные «мандаткой». Они и оказались в самом пекле – на штурме дворца Амина. Двое из них погибли, третий был тяжело ранен и умер по дороге в Союз. Четвертый попал в Афганистан позже и тоже получил тяжелое ранение.

Совпадение? Вряд ли. Говорят, полковник Бояринов хорошо разбирался в людях. Стоило ли посылать тех офицеров в пламя войны? Нет, конечно. Наверное, нашлось бы для них дело и дома. Но все это станет известно позже, когда уже Григория Ивановича не будет в живых.

А в июле 1979 года «Зенит-1» убыл в Афганистан. Возглавил группу кандидат военных наук, доцент, полковник Григорий Иванович Бояринов. Возвратился он оттуда в сентябре. Тогда же у них с Набоковым состоялся обстоятельный разговор, и Анатолий Алексеевич сказал, что готов поехать на смену начальнику кафедры. И даже пожаловался, мол, преподаватели и помоложе уже съездили, а он все никак.

Бояринов усмехнется и по-отечески положит ему ладонь на плечо:

– Не спеши, Толя. Чует моя душа – Афганистана нам надолго хватит. Горько это звучит, но боюсь, что надолго. – И грустно добавит: – Поверь мне, старику...

Правая рука «великого учителя»

...Декабрь семьдесят девятого выдался в Москве слякотным и мокрым. Восемь бойцов группы «А» во главе с Валентином Ивановичем Шергиным, поднятые утром по тревоге, на автобусе подъезжали к зданию Первого главного управления (ПГУ) КГБ. «Пазик», шлепая шинами, словно галошами, подкатил к центральному выходу.

– Ого! Смотри-ка, ребята, как встречают! – удивился Изотов.

Ребята прильнули к окнам: на стоянке их ждали черные «Волги». Тут же из машины вышли двое в штатском и направились к автобусу. Шергин спрыгнул с подножки, доложил о прибытии.

– Занимайте места, – поступила команда, и «альфовцы» расселись по машинам.

«Волги» резко взяли с места. Мелькали знакомые московские улицы. Хозяева, которые сидели за старшего в каждой машине, молчали, как-то по-особому заинтересованно разглядывая пробегающие за окном картины. Помалкивали и гости: в таких случаях расспрашивать не принято.

Машины устремились по дороге из Москвы. Поворот, другой – и уже вдоль бетонки серый голый лес, бесснежный, угрюмый. Повернулись еще с полчаса и уткнулись в ворота. За небольшим забором – уютная дачка, чисто выметенные дорожки, кучки пожухлых листьев под деревьями, оставшиеся как память о прошедшей осени.

Их проводили в дом. В одной из комнат за столом сидел толстый мужчина, шумно прихлебывая чай из блюдечка. Познакомились, фамилия и имя мужчины не говорили ровным счетом ничего: Борис Чичерин. Чувствовалось, что этот толстяк добрый и радушный человек. Он тут же пригласил всех к столу, угостил чаем, бутербродами. От улыбки Чичерина стало как-то спокойнее, ушло напряжение, в котором с самого утра находились бойцы группы «А». Ведь никто и словом не обмолвился, зачем их подняли по тревоге, вызвали в Первое главное управление, отвезли в подмосковный лес. Оставалось только теряться в догадках.

Ждать пришлось недолго. Появился представитель руководства Первого главка, поздоровался и в нескольких словах объяснил задачу: охранять людей, которые будут им представлены. Охранять днем и ночью, беречь пуще собственной головы. И добавил после паузы: «Это большие люди, о которых пока не знает и не должен знать мир».

Мир и вправду еще не знал опальных, бежавших от гнева Амина начальника Генерального штаба Ватанджара, министров Гулябзоя и Анахиту. Редко кто слышал за пределами Афганистана и о Бабраке Кармале, хотя он был соратником Тараки, одним из создателей НДПА, секретарем ЦК, а с 1976 года послом в Чехословакии.

Впервые увидели их и бойцы группы «А». Трое мужчин и женщина вошли в комнату, остановились. На полшага впереди оказался человек с темным, словно загоревшим до черноты лицом, с большим горбатым носом, с черными, как маслины, глазами. Был он широк в кости, плотен телом. Одет в европейский, отменно сшитый костюм.

Борис Чичерин представил гостя:

– Бабрак Кармаль!

Непривычное словосочетание. Изотов повторил про себя имя и фамилию афганца: как бы не забыть, не дай бог.

– А это Гулябзой, – назвал Чичерин следующего, стоявшего за спиной Бабрака мужчину. Тот смущенно кивнул, соглашаясь, и узкая щеточка усов над верхней губой обозначила слегка заметную улыбку.

– Анахита, – продолжал Чичерин, указывая чуть заметным движением руки на смуглую женщину с темной косой, уложенной вокруг головы. Все они были в европейских костюмах. Надо сказать, что никто не заметил улыбки или тени смущения на ее лице. Чувствовалось,

что Анахита горда и своенравна. Борис потом объяснил: она из богатой семьи, получила хорошее образование, всегда оставалась ярким приверженцем и самым преданным другом Бабрака. Когда его будут снимать со всех постов, Анахита, одна из немногих, встанет на защиту генсека.

Рядом с Анахитой – высокий, поджарый, в отличие от остальных, со светлой кожей лица, молодой человек. Смоляные волосы да черные усы выдавали в нем афганца, а строгого покроя френч – военного. Ватанджар действительно оказался профессиональным военным, танкистом, героем Саурской революции. Оказывается, его боевая машина и сейчас стоит на площади перед дворцом. Он в апреле 1979 года на своем танке возглавил ударный отряд, двинувшийся из Пули-Чархи в город, и первым вступил в бой с национальными гвардейцами, охранявшими президентский дворец.

А теперь – здесь, в Подмоскowie, на секретной даче, подавленный и растерянный.

Что там у них происходит, если министры, секретари ЦК, герои скрываются за тысячи верст от дома? Называется, свершили революцию. Говорят, река Кабул сегодня красна от человеческой крови. Неужели правда?..

– Вот, пожалуй, и все, – подвел итог представитель командования. – Теперь распределитесь, кто за кого отвечает. Осваивайтесь. Ждите команды.

Для удобства общения и пушей секретности афганцам предложили называться русскими именами.

– Вот Ватанджар, – взял на себя инициативу Чичерин. – Мухаммед Аслан. К чему тут ближе Миша, Саша?

– Саша! – сказал кто-то.

– Хорошо, значит, Саша.

И Борис заговорил на дари – гортанно, распевно, видимо, объясняя афганцам целесообразность присвоения русских псевдонимов. Те согласно закивали. Дали всем русские имена и на том, собственно, закончили.

А все-таки непривычно было воспринимать клекот Чичерина, распевающего незнакомые слова, видеть сверкающие искры в черных, глубоких глазах Бабрака, слышать тоненький, почти женский, голос танкиста Ватанджара. Как дальше сложится судьба этих людей? Неспроста ведь они оказались на даче ПГУ, в лесу, под секретом. Каждому понятно, что неспроста.

Осваиваться долго не пришлось. Подали машины: опять голые, продрогшие деревья за окном, продуваемый всеми ветрами аэродром. Так неласково провожала их Москва. Но Ташкент встречал ярким, совсем не зимним солнцем, теплом. Казалось, вот-вот у взлетной полосы пробьется, выстрелит тонким лучиком зеленая трава. И вновь дача, только не скромный подмосковный домик, а настоящий дворец в миниатюре. Дворец Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова.

Ужин со спиртным, на завтрак пять блюд на выбор, красавицы-официантки предупредительны, скромны. Ребята бродили по даче, удивлялись – живут же люди. Шутили между собой, мол, поживем и мы когда-нибудь при коммунизме. Однако коммунизма на их долю было отведено всего двое суток.

Новый маршрут пролегал над советско-афганской границей, над хребтами Гиндукуша, и заканчивался в Афганистане, в Баграме. Здесь опальных министров и их охранников ждала не шикарная вилла, а капониры, вырытые на краю аэродрома.

Недолгой оказалась баграмская командировка для группы «А». 14 декабря ужин прервал сигнал тревоги. Транспортный самолет без опознавательных знаков был подан задней рампой почти вплотную к капонирам. Запущенные двигатели не выключались. В облаке пыли и песка бойцы «Альфы» в срочном порядке проводили на посадку Бабрака Кармаля, Анахиту, Ватанджара и Гулябзоя, погрузили их вещи, забросили собственное снаряжение.

Самолет взлетел и стал резко набирать высоту. В салоне стала ощущаться нехватка кислорода, пассажиров пригласил к себе в кабину командир корабля.

Восемь бойцов группы «А», четверо афганцев, экипаж – в пилотской стало тесно. Все молчали. Никто не знал и не мог ответить, почему так спешно покинули Баграм. Ясно было одно: что-то не сложилось, сорвалось. Куда летят Бабрак и другие изгнанники родины, суждено ли им вновь когда-нибудь увидеть мудрые седые вершины Гиндукуша, редкие кишлаки, словно стадо барашков, сбегające в долину по темным отрогам, голубые, тонкие, как вены ребенка, горные реки?..

За что Аллах так покарал их? Для того ли они готовили революцию, сидели в тюрьмах, чтобы кровожадный Амин правил страной. Почему Кармаль, один из создателей партии, правая рука «великого учителя» Тараки, как одинокий дервиш скитается по дорогам Европы. По совету русских товарищей Бабрак записал на пленку обращение к народу. Там были прекрасные слова: «После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников – диких палачей, узурпаторов и убийц...»

Нет, не наступил день свободы. И наступит ли? Кармаль смотрел вниз, как уплывает под крылом Родина. Надолго ли? Возможно, навсегда. Его Родина, его боль и жизнь. Смотрел и плакал.

Выйти на объект

Что же произошло 12–14 декабря в Кабуле? Почему опальные министры во главе с Бабраком были срочно вывезены из Баграма? Единства в оценке тех событий нет. Существует две версии. Приверженцы первой считают, будто Амину стало известно о Бабраке и его соратниках и потому созрела необходимость их срочной эвакуации. Вторые уверены, что опасность возникла из-за несостоявшейся военной операции, назначенной первоначально на эти дни.

Вряд ли представляется возможным сегодня подтвердить или опровергнуть первую версию – Амина давно нет в живых. Что же касается операции, то таковая действительно готовилась.

...12 декабря майора КГБ Якова Федоровича Семенова, командира подгруппы «Зенит», расквартированной в Кабуле, вызвал к себе генерал. То был армейский генерал, десантник. На совещании присутствовали также офицеры «мусульманского батальона».

Обсуждался ход операции, о которой Семенов имел весьма смутное представление. Генерал, в задачу которого входила координация действий «Зенита» и армейских подразделений, обратился к майору:

– Вашей группе предстоит выйти на объект. Время «Ч»...

Майор не удержался и, нарушив воинскую субординацию, перебил генерала:

– Какой объект, товарищ генерал?

Теперь пришло время удивляться генералу:

– Вы что, не знаете?

– Не знаю.

«Черт возьми, – подумал генерал, – опять нестыковка на границе ведомств».

– Вот здесь, смотрите, – и он указал Семенову на карту Кабула, – дворец...

– Ясно. А план его, силы, средства обороняющихся?

Генерал ровным счетом ничего не понимал. Советники из КГБ дневали и ночевали в этом дворце, а в нужный момент их же майор ни хрена не знает. Однако генерал сдержался. Майор тут был ни при чем.

– Ладно, – устало сказал генерал, – даю два часа вам, Семенов, думайте, что можно сделать.

Совещание закончилось. Два часа – не ахти какой срок, но Яков Федорович кое-что разведal: у противоборствующей стороны, как любят выражаться тактики, две тысячи гвардейцев, 11 танков, причем два танка закопаны по башню прямо у ворот. А что за воротами, одному богу известно. Но, надо думать, двор тоже не пуст.

А у Семенова две «Шилки», шесть бронетранспортеров на 25 человек личного состава. По живой силе соотношение 1:100, по бронетехнике только безумец может сравнивать: танк и БТР – все равно что слон и мошка.

Якову Федоровичу даже показалось, что они играют в детскую игру и все это несерьезно. Но когда истекли установленные два часа и поступила команда: «По местам!» – майор, залезая в свой БТР, вдруг отчетливо понял: история нас ничему не научила, опять противника «шапками закидаем».

В тот день историю, видимо, припомнил не только Семенов. Дали отбой. Выступать предстояло лишь через сутки. Но Якову Федоровичу было не по себе: пошел к генералу, попросился в город, чтобы получше рассмотреть объект, который предстояло штурмовать. Генерал не возражал. Напомнил только об осторожности. Ну уж об этом мог бы и не говорить армейский командир майору госбезопасности, преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ. Он сам учил осторожности и конспирации молодых офицеров.

Семенов, не теряя времени, переоделся – и в дорогу. Покрутился по Кабулу, разведаль подходы, подъезды. Потом оставил машину и пешком обошел вокруг дворца. И еще раз убедился в мудрости старой армейской заповеди: если есть хоть малейшая возможность провести рекогносцировку на местности, где предстоит воевать, ее надо использовать.

В разведданных все было указано точно: и количество танков, как зарытых в землю, так и стоявших на других позициях, и силы гвардейцев, но данные эти касались только охраны дворца. А рядом с дворцом располагался Генеральный штаб афганской армии. О нем – ни слова.

Генштаб – не министерство сельского хозяйства. Там сильная охрана, средства ПВО, да и офицеры-генштабисты наверняка умеют держать в руках оружие.

С этими тревожными мыслями и вернулся Семенов в Баграм, доложил генералу. Тот выслушал майора хмуро и даже как-то обреченно. Но в конце спросил: «Ваше решение?»

Эх, кабы ему, майору Якову Семенову, решать, двинул бы он свои «броники» от греха подальше. Только кто же послушается? Да и генерал, чувствуется, в тупике: то ли доложить боится, как оно есть на самом деле, то ли в верхах его так же слушают, как он майора.

Давит, наверное, начальство из Москвы, а у генерала силенок-то с гулькин нос. Даже если все подскрести – и «мусульманский батальон», и «Зенит» до последнего человека, – перевес на той стороне огромный. Интересно, кому нужен сей кровавый спектакль? Положить ребят у стен дворца? Так это запросто, большого ума не надо.

Нет, Яков Федорович понимал: в таком спектакле не заинтересован никто. И верно: операцию вновь отложили. «Зенит» перебрался в Кабул, расположился неподалеку от «мусульманского батальона».

Внизу, среди редких садов, возвышался дворец Тадж-Бек – новая резиденция Хафизуллы Амина. Он был виден без бинокля, мощный, с крепкими стенами, опоясанный серпантинной серой бетонки.

Теперь Семенов каждый день ездил на совещания в посольство. Прорабатывались различные варианты взятия дворца.

От совещания к совещанию прибавлялось количество генералов. Прилетел генерал Юрий Дроздов из Первого главного управления.

Надвигались серьезные события.

Готовится спецоперация

Набоков входил в автобус последним. Задержался на ступеньке, еще раз оглянулся, Бояринова не было. Странно. За последний год, да что там год – годы, он не припомнит случая, чтобы Григорий Иванович опоздал к служебному автобусу, который каждое утро забирал их в условленном месте.

«Что-то случилось, – тревожно подумал Набоков, – не заболел ли?» Он вспомнил недавние учения, двадцатикилометровый марш, который прошел Гриша с одной из групп слушателей. Как-то не вязался вполне здоровый вид полковника со словом «болезнь». Да и вчера они виделись. Бояринов был в отличной форме.

Набоков облегченно вздохнул, лишь когда увидел в кабинете начальника кафедры свет. Он поднялся на свой этаж, в преподавательскую. Дверь бояриновского кабинета приоткрыта, и в проеме Григорий Иванович. В гражданке: на нем водолазка, поверх нее джемпер.

Увидев Набокова, улыбнулся приветливо, кивнул: заходи...

– Что случилось, Григорий Иванович?

– Ничего не случилось, Толя. Изменилась обстановка. Мне надо ехать туда.

Набоков вопросительно смотрел, он все равно мало что понимал.

– Готовится серьезная операция. Я был вчера у начальника управления.

Он оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг и виновато пожал плечами:

– Боюсь, как бы там ребят зря не положили. А я все-таки кое-что в этом петрю, верно, Анатолий Алексеевич?

Что мог ответить Набоков: верно. Только знать бы – какая операция. Спрашивать не принято, раз не говорит. А может, и сам не знает.

– Мы с тобой, как в учебниках писали: «Налет – это внезапное, согласованное нападение на неподвижный объект противника с целью... и тэ-дэ и тэ-пэ...» Так? А те, кто поехал готовить налет, они знают, с чем его есть надо?

Набоков развел руками: наверное, знают... Бояринов лишь горько усмехнулся:

– Дай Бог, Толя! Дай Бог...

Что имел в виду Григорий Иванович, теперь можно только гадать. Мало ли он доверял тем, кто улетел готовить операцию, не был уверен в их опыте, профессиональных знаниях или просто опасался за своих воспитанников? Ему, конечно же, стали известны подробности не состоявшегося из-за слабой подготовки штурма, и он посчитал своим долгом на этот раз оказаться там. Ведь за спиной Бояринова был не только опыт сотрудника КГБ, но опыт партизанской и диверсионной работы. Прежде чем писать свою диссертацию о тактике действий партизанских формирований, Гриша Бояринов изучал ее на практике. Был ранен. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Теперь, через много лет, нет-нет да и возникнет спор в кругу людей, знавших Григория Ивановича, – а мог ли он не поехать? Все-таки ему к тому времени было уже немало годков – пятьдесят семь, мог бы и не ходить под пули. Все, кто поднимался с ним в атаку на штурм дворца Амина, по возрасту подходили в сыновья, а кое-кто и во внуки годился.

Нет, он не мог не пойти. И не только потому, что так хотело начальство, только так и мог поступить фронтовик, педагог, полковник КГБ Григорий Бояринов.

Помните, как плакал у него в кабинете отстраненный от поездки в Афганистан офицер? Из сегодняшних будней нам странными могут показаться слезы. Но так было. Считалось позором, когда сотрудника КГБ отстраняли от выполнения спецзадания.

Мог ли Бояринов отстранить себя сам? Смешно даже подумать.

...В 10 утра собралась кафедра. Бояринов передал общее руководство своему заместителю Владимиру Михайловичу Санькову. Накрыли стол, налили по сто граммов, выпили – и в Чкаловское, к самолету.

Бояринов уехал, а преподаватели его кафедры – Набоков, Васюков, Болотов остались, стояли, курили. Набоков и Болотов иногда перебрасывались словом-другим, а Васюков угрюмо молчал. Потом взглянул на них, щурясь от дыма:

– Что-то не понравился мне сегодня Гриша.

Набоков поймал себя на мысли, что согласен с Васюковым. Какая-то тень лежала на лице Бояринова. Мог ли он знать тогда, что это тень смерти...

Этот узел не развязать

Утром 23 декабря начальник 7-го управления КГБ СССР генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Бесчастнов ехал в расположение группы «А».

Шуршала быстрыми шинами «Волга». У светофоров теснились автомобили. Переход заполнен людьми – москвичи спешили на работу.

Генерал прикрыл веки. Ломило в висках, сказывалась бессонная ночь. Мысли, мысли, мысли... Может, он не все знал. Скорее всего. Но даже той информации, которой владел, было достаточно, чтобы понять: на южных границах всерьез запахло порохом. Впервые за долгие, долгие годы.

Руководство мог волновать Китай, Пакистан, Иран. Что угодно, только не Афганистан. Эта азиатская страна десятилетиями не вызывала опасений.

Так привыкли думать политики, дипломаты, Генеральный штаб. Да и его, Алексея Дмитриевича, ведомство тоже. В общем, никакой головной боли. Так было при шахе, при Дауде, и даже еще раньше, когда Эмманула-хан чуть не в друзьях с Лениным ходил.

А теперь вот Амин. Еще полгода назад он клялся в верности и любви Тараки. Как это он говорил? «Я могу потерять Афганистан, но никогда не соглашусь с потерей моего любимого учителя и вождя». А любимый вождь отвечал ученику: «Я и Хафизулла Амин близки, как ногти и пальцы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.